

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

РЯДОВОЙ

ИВАН

ЯЩЕНКО

**ИВАН
КОМЛЕВ**

В сводках не сообщалось...

Иван Комлев

Рядовой Иван Яценко

«ВЕЧЕ»

Комлев И.

Рядовой Иван Ященко / И. Комлев — «ВЕЧЕ», — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7703-4

О тех, кто бежал из фашистского плена, не писали тогда в газетах, о ежедневных кровопролитных боях, которые вели партизаны, не рассказывало радио. Да и сами люди, изо всех сил приближавшие общую Победу, не считали, что они сделали что-нибудь особенное, ведь таких, как они, были сотни и сотни тысяч... Роман «Рядовой Иван Ященко» основан на реальных событиях, даже имена главного героя и его близких — подлинные (на это дали согласие их наследники).

ISBN 978-5-4484-7703-4

© Комлев И.

© ВЕЧЕ

Содержание

Часть 1. Плен	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Комлев Иван Рядовой Иван Ященко

Часть 1. Плен

– Рота-а, подъём! Рота, подъём! – то ли всё ещё сон, то ли команда, но голос незнакомый, не старшины роты.

А снилась Ивану река, Омь, что в далёкой Сибири, ивы на берегу, удочка, поплавок на воде, и погромыхивание грома – из-за леска на противоположной стороне реки напоззала чёрная туча. Клёв перед дождём бывал иногда просто отменный. Но очередную поклёвку пришлось пропустить...

Команда сбросила Ивана с нар – сработал выработанный за три месяца рефлекс. Едва разлепив глаза, он надёрнул галифе, матюгнул Василя, который свалился с верхних нар ему на голову, быстро-быстро накрутил портянки и обмотки – тоже сказались тренировки, надёрнул грубые ботинки, двумя движениями завязал шнурки и уже на ходу из палатки надел гимнастёрку. За ним, толкаясь, из палатки выскакивали солдаты взвода.

– Стройся!

– Тю, сдурилы! – Василь, протирая глаза, глянул на восток, где только-только за лесом поднималось солнце. – И в выходной не дадут поспаты.

Взвод построился, справа и слева такие же квадраты других взводов – на вытоптанной площади, поротно, батальоны полка, на дальнем краю те, кого строевики называют «обоз». Иван – второй с правого фланга взвода, рядом, выше его ростом, Фёдор Дубов, массивный флегматичный парень, уралец, за Дубовым – на полшага впереди – командир взвода, старший сержант Путник, невысокий крепыш с хорошо поставленным командирским голосом, сверхсрочник.

Иван видит нечто странное: ни ротного командира нет, не видать комбата, нет командира полка и вообще нет никого из командиров других рот и батальонов, не говоря уж о комиссаре полка, он на утреннем построении и прежде появлялся очень редко. Зато в полусумраке рассветного дня перед строем, чуть левее второго взвода второй роты первого батальона, он видит две довольно высокие фигуры в плащах, с фуражками на головах, фуражки с необычно высокими тульями, а чуть в стороне от них и чуть ближе к строю, невысокий худенький военный в странной серой форме. В правой руке его хлыст, ивовый прут. Человечек стоит, слегка расставив ноги, для большей устойчивости, как стоят и те двое, похлопывает себя прутом по голенищу надраенного хромового сапога. Что-то знакомое почудилось Ивану в этом военном, спустя мгновение Иван признал в нём полкового писаря. Шибздик, так за глаза называли его солдаты. Фамилии его Иван не знал, но дважды видел в штабной палатке. Так это его голос поднял полк – голос у Шибздика был мощным, не вязавшимся с его хлипкой фигурой. «Что он тут командует?» И только теперь Иван увидел за спинами этих троих, там, где были навесы для винтовок, расставленных в козлах, автоматчиков. По два на каждую пирамиду оружия. На головах каски, ноги расставлены для устойчивости, автоматы, не наши, на уровне живота, направлены прямо в строй взвода. И сапоги – чудные сапоги с широкими голяшками, будто пошиты были на слонов, а достались вот этим воякам.

«Немцы!»

– Фрицы! – слышит Иван негромкий изумлённо-растерянный голос из-за спины.

– Смир-р-но! – Бывший писарь командует с видимым наслаждением.

Строй, приученный к повиновению, вздрагивает и замирает. Зябко. За навесами для оружия, в кустах, всё ещё плавает, редая, туман – там ручей, в котором обычно умывались солдаты

после утренней пробежки. Тени от деревьев, что восточнее палаток, длинные, и солнце ещё не освещает импровизированный плац – утопанную солдатскими сапогами большую поляну.

Один высокий в плаще делает небольшой шаг вперёд и произносит что-то на немецком, не повышая голоса, не заботясь, чтобы его услышали все. Писарь переводит его во всю силу своих лёгких.

– Солдаты Русской армии, сегодня настал для вас великий день! День освобождения от коммунистов и жидов. Славная Германская армия по приказу фюрера...

Раздалось дружное: «Хайль!» – и все увидели, что не только у оружия стоят автоматчики, но и на флангах полка шеренги их, и не только автоматы направлены на безоружных солдат, но и пулемёты готовы по малейшей команде вступить в дело.

– ...по приказу фюрера перешла границу и готова уничтожить ненавистный вам режим и в первую очередь ликвидировать ваших угнетателей: евреев и коммунистов. Наш великий фюрер так решил, и так будет!

В это время послышался нарастающий гул, все невольно подняли головы: высоко в небе с запада на восток шла целая армада самолётов.

– Фюрер, – продолжал переводить писарь, – зовёт всех честных русских солдат вступить в борьбу с коммунизмом, вступить в великую и непобедимую Германскую армию. После скорой и неизбежной победы наш фюрер обещает вам свободу и землю, право быть хозяевами, право распоряжаться теми, кто не освободится от коммунистической заразы.

Пауза. Видимо, необходимая для того, чтобы русские солдаты усвоили сказанное. Немец отступил назад, на прежнее место, и теперь уже видно было, что на руке писаря выше локтя чёрная нарукавная повязка с двумя изломанными, как молнии, белыми линиями, а на фуражке что-то похожее на череп с двумя костями под ним. «Эсэсовец», – слышит Иван шёпот за спиной. Это ему пока ничего не объясняет. Писарь-эсэсовец скомандовал:

– Кто вступает в великую Германскую армию, выйти из строя!

Похоже, он прекрасно знал, что нужно делать и как командовать бывшими его сослуживцами.

Полк вздрогнул, расслабился, принял положение «вольно» без команды, но из строя никто не вышел.

«Это я должен буду воевать против своих? А как же мама и сёстры? Шо скаже батько?» – подумал Иван, и, очевидно, такие же мысли были у всех.

– Смелее! – гремел вчерашний писарь, а теперь эсэсовец. – За вашими спинами нет комиссаров!

И захохотал.

«Правда: куда все подевались? И где наши пограничники? Почему немцы здесь?» Такие вопросы крутились в голове не только у Ивана. Полк располагался в десяти километрах от границы, жили в палатках, утром выдвигались к границе, и большую часть суток красноармейцы проводили на строительстве оборонительных сооружений: огневых точек, окопов и траншей, блиндажей и наблюдательных пунктов. На огневую и на строевую подготовку последние две недели времени почти не отводилось.

– Кто откажется служить великой Германии, – пояснял писарь-эсэсовец, – тот будет пленным. И я вам обещаю, что это будет не курорт!

Полуторатысячный строй безмолвствовал.

– Ну что стоишь? – Эсэсовец ткнул прутком красноармейца во второй шеренге. – Выйти из строя!

Солдат, воровато озираясь на сослуживцев, протиснулся между стоявшими впереди его, те не поторопились пропустить изменника.

– Ты и ты. – Бывший писарь знал, кого следует вызывать в первую очередь, и прутком, как указкой, безошибочно выдернул двоих солдат из соседнего взвода.

Фашист был психологом. Уже не дожидаясь указаний, несколько солдат покинули строй. Но улов был слишком мал, из всего полка не набралось и взвода тех, кто пожелал надеть форму вермахта. Их построили, дали команду, и они пошли, руководимые уже немецким армейским офицером, вдоль строя полка, снимая с красноармейцев поясные ремни, срывая с пилотов звёздочки. Откуда-то появился грузовик, советский ЗИС-5, на котором на стройку привозили ещё вчера цемент и брёвна. В кабине на месте водителя сидел один из добровольцев, рядом – немец с автоматом, и два бывших красноармейца стали забрасывать в кузов машины винтовки, забирая их из пирамид.

И снова в дело вступил бывший писарь. Он, очевидно, не зря сидел в штабе полка, знал по документам многих красноармейцев. Проходя вдоль строя, командовал, указывая прутом на солдата:

– Выходи! Выходи!

Вскоре перед строем оказались комсорги рот и евреи.

– Юден? – кивнул офицер в плаще на стоявшего за спиной Ивана чернявого солдата, его эсэсовец пропустил при своём обходе.

– Выйди, – приказал писарь, – сними штаны.

Иван посторонился: шаг вперёд и в сторону. Дзгоев вышел, бледнея лицом, сказал хрипло:

– Н-нэт, я кавказец. Мусульман.

Спустил шаровары с кальсонами до колен.

– Обрезанный, – сказал немецкий офицер, почти на чистом русском языке, что-то подобное улыбке появилось на его лице. И, обращаясь к Шибздику, уточнил: – Мусульман?

Эсэсовец кивнул и не отказал себе в удовольствии, хлестнул Дзгоева прутом, норовя попасть в промежность. Махнул рукой, разрешая солдату вернуться в строй. У немцев был свой расчёт на мусульман: надеялись создать из них боевые подразделения, которые пойдут против Красной армии. Это спасло жизнь Дзгоеву. Он поспешно надёрнул галифе и быстро вернулся на своё место. Подбородок его, выбритый до синевы, стал, кажется, ещё темнее, а на скулах появился румянец. «Будь у него нож, – мелькнула у Ивана мысль, – кинулся бы и запорол Шибздика».

Комсомольцев и евреев, их набралось человек тридцать, вывели за палатки, и оттуда раздалась автоматные очереди.

– Васю тоже чуть не кокнули, – пробубнил возле уха Ивана Дубов.

Имя Дзгоева было Виссарион. Но Виссарионом Дзгоева товарищи избегали называть: слишком строго. Да и сам он при знакомстве так отрекомендовался: «Мая има – Вася».

– Так немедленно будет со всеми, кто не захочет работать на Германию, – уточнил между тем бывший писарь. – Немецкий порядок – это закон. Кормить вас будут только за хорошую работу. Смир-рно! – вдруг рявкнул он. – Равнение на-а-лево!

С небольшим промедлением команда была выполнена.

Там, куда приказано было держать равнение, находилась штабная палатка, особняком от палаток, в которых размещались солдаты, и все невольно подумали, что вот сейчас из неё выйдут красные командиры или их выведут оттуда. Но из палатки появился немец, он за древко волочил по земле красное полковое знамя. Сдержанный гул, как стон, прошёл по шеренгам. Перед этим знаменем давали присягу на верность стране и народу новобранцы три месяца назад, ещё там, на формировании полка, далеко от границы. У Ивана чуть ноги не подкосились от нахлынувших боли, стыда и унижения. Немец подошёл к двигавшейся навстречу ему машине, в которую сбросали только что винтовки красноармейцев, и швырнул туда знамя.

В проёме палатки показался ещё один немецкий солдат, он зажал локтями ступни красноармейца и волочил его по земле. Это был часовой, который стоял ночью у знамени. Он был

мёртв. Оттащив труп от палатки на несколько шагов, немец посчитал свою работу выполненной и бросил носу.

Фашисты наслаждались произведённым эффектом.

– Фюрер освобождает вас от присяги! – пояснил бывший писарь.

Затем он щёлкнул пальцами, подняв руку вверх, и к нему на рысях приблизился немецкий солдат с бумагами. За ним – ещё несколько немцев. Эсэсовец пошёл вдоль строя, раздавая своим подручным листки, и вскоре началась перекличка: немцы, коверкая фамилии, занялись проверкой личного состава рот. До Ивана дело дошло в самом конце.

– Я-щенко! – с трудом выговорил худошавый высокий немец, вглядываясь внимательно в строй. Пожилой, как показалось Ивану.

– Я. – Взгляды их встретились.

Последним в ротном списке почему-то оказался Василь, хотя его фамилия должна была стоять в списках выше фамилии Ивана.

– Я-ко-вэнко!

– А до ветру нас когда отпустят? – вместо отзыва спросил тот.

– Поговори мне! – Бывший писарь оказался неподалёку. Чуть помедлив, скомандовал: – Оправиться!

– Шо, здесь? – не выдержав, удивился Василь.

В руке Шибздика появился пистолет. Выстрелив над головой Василя, он рявкнул:

– Быстро!

Красноармейцы, сконфуженно поглядывая на товарищей, стали снимать галифе и присаживаться... Нужда заставит. На плацу ещё вчера окурочник никто бы не бросил.

Из каждого взвода несколько человек направились разбирать палатки. По команде солдаты забрали свои вещи: тощие вещмешки. Скатки, шинели, остались в каптёрке, в большой хозяйственной палатке.

Потом весь полк прогнали мимо кухни, где повара, под надзором автоматчиков, раздали пленным красноармейцам по ломтю хлеба, по несваренной картофелине и горстке пшённой крупы. Кругу, зачерпывая ладонью, повара, тем, кто не успел достать из вещмешка котелок, бросали в подставленные пилотки. Ворчали солдаты, что даже умыться не дали, есть приходится грязными руками.

Не знали, что эти пшено, и хлеб, и картошка вспомнятся им ещё не раз, как последний привет страны, которую они не сумели защитить.

– Плен? Это что, плен? – то там, то тут слышались удивлённо-недоверчивые голоса.

Несмотря на то, что о возможной войне с немцами было запрещено говорить: «У нас с Германией договор», – готовили красноармейцев к боевым действиям напряжённо. С самого начала, как только сформировался полк, ещё там, в небольшом городке, в Удмуртии, необученных деревенских парней часами учили ходить строем, чтобы умели не наступать друг другу на пятки, чтобы ходьба стала для них привычным делом. Учили стрелять из винтовки и даже из ППШ. Пистолет-пулемёт Шпагина с диском производил сильное впечатление, но вызывал у Ивана некоторую настороженность: набивать диск патронами надо было аккуратно, иначе, как объяснял старшина, при стрельбе мог случиться перекося патрона, а в ближнем бою это верная смерть. Учили рукопашному бою. Этим занимался с ними старший сержант Путник, а он, в свою очередь, учился у лейтенанта Бодрова, бывшего в Первую мировую войну унтер-офицером. Унтер-офицеры – это мастера своего дела, владевшие всеми видами стрелкового и холодного оружия, умеющие сражаться как в пешем, так и в конном строю.

Удары штыком и прикладом, уклоны, уход от ударов и даже от выстрела – у Ивана получалось неплохо, он удивил наставников тем, что быстро научился метать винтовочный штык в цель. А секрет был в том, что ещё тогда, когда он в своей деревне начал работать в строительной бригаде, начали они соревноваться с таким же парнем в метании топора. И научились

с десяти шагов втыкать своё орудие труда в дерево. До поры, конечно, пока бригадир не увидел и не отматерил их – за порчу живых деревьев и за озорство.

Учась рукопашному бою, красноармейцы, что не менее важно, обретали уверенность в себе и в товарищах. Умение действовать совместно, слаженно – главное в рукопашном бою. «Сам погибай, а товарища выручай, – наставлял бывший унтер-офицер, – так завещал нам Суворов».

И вот не пригодилось то, что успели освоить перед войной, взяли их, как слепых котят...

Туман рассеялся, солнце выбралось на вершины деревьев, день обещал быть ясным и знойным. В стороне от расположения полка, за полосой леса, в это время шло большое движение: гремели гусеницы танков, подрагивала земля, стучали двигатели автомобилей, слышалось тарахтенье мотоциклов, и ещё множество звуков подсказывало красноармейцам, что там идёт мощная колонна войск. Вражеская армия беспрепятственно шла на восток. Где-то далеко громыхало, иногда по земле катился гул, а здесь было относительно тихо. Очередная группа немецких самолётов прошла на восток, наших самолётов не было видно.

Полк, потерявший командиров, оружие и не понимавший, что будет дальше, построили и под конвоем повели на запад, к границе, по той пыльной дороге, по которой только что прошли немцы и по которой красноармейцы ходили на строительство оборонительной полосы. Кроме пеших конвоиров слева и справа от колонны были всадники с автоматами, и время от времени мимо колонны, то обгоняя её, то возвращаясь в хвост, пылил мотоцикл, где рядом с водителем, в люльке, сидел пулемётчик.

Два часа ходу, и вот у дороги пограничная застава. Невольно взгляды пленников обратились в сторону небольшого домика. У стены его аккуратным рядом, как в строю, лежали тела пограничников, во главе с лейтенантом. Фуражка лейтенанта, с красной звездой на ней, лежала рядом с ним, и ветерок слегка шевелил его русые кудри. Рядовые были острижены наголо, «под Котовского». Огнестрельных ранений не видно, все убиты ножами или заколоты штыками.

А через сотню шагов на берегу речки, названия которой Иван и другие солдаты от начальства не слышали, возможно, в целях конспирации, увидели ещё несколько убитых красноармейцев. Некоторые застрелены, очевидно, врасплох, в затылок. Враги, судя по всему, пришли с той стороны, откуда их не ждали.

По другую сторону от дороги белел свежим деревом недостроенный дот.

Речушку переходили вброд, воды по колено, струится по камешкам, как будто в мире ничего не произошло. За рекой дорога раздваивалась, полк повели по той, что свернула к северу. Она не искорёжена колёсами автомобилей и траками танков, не вытоптана, пыли меньше, идти стало легче. При переходе через реку успевали ладонями зачерпывать воду и пить. На мокрые обмотки стала налипать пыль, в ботинках хлюпало, и Иван стал беспокоиться, что скоро натрёт до мозолей ступни. К счастью или, наоборот, к горькой обиде, вскоре навстречу им попала ещё одна немецкая колонна: несколько танков впереди, за ними автомобили и повозки. О том, что пленные должны освободить дорогу, конвоиров предупредили два мотоциклиста. Место было полуоткрытое, с небольшим кустарником по сторонам, красноармейцев, подгоняя прикладами, поспешно согнали за обочину. Удалось слегка отдохнуть и чуточку обсохнуть. Колонна немцев двигалась мимо примерно полчаса.

Пленные без остановок шли до полудня, после чего остановились на открытом месте. Здесь конвоиры поочерёдно подходили к походной кухне, обедали, весело обменивались впечатлениями, потом возвращались на свои места. Война войной, а обед вовремя – немецкий порядок соблюдался неукоснительно. Красноармейцам обеда не полагалось. Но сесть на землю, переобуться, перемотать обмотки было возможно. Кое-кто даже лёг на прогретую солнцем траву, заложив, как на отдыхе в родном отечестве, руки за голову.

И снова изнурительная до одури ходьба под знойным небом, во рту пересохло, ноги всё чаще загребали дорожную пыль и гравий. Но не столько солнце давило и усталость, сколько тяжёлые мысли: «Что будет с нами? Кто нас предал?»

Миновали несколько деревень, жителей почти не видно. Дома обычные, крыши в большинстве крыты соломой или камышом, и было не понять – чужая это сторона или они опять идут по советской земле.

– Как ты думаешь, Иван, далеко нас уведут? – спрашивал Дубов. – Наши догонят завтра или нет? Выручат?

Иван думает о том же, но насчёт того, что их скоро выручат свои, у него сомнение. Ответить он не успевает, идущий сзади Дзагоев, едва не погибший бесславно утром, шипит за спиной:

– Наш-ша! Раззява наш-ша! Шибздик плен взял! Ай-ай! Немецкий сабака! Шпион! Ай-ай!

У многих красноармейцев от дурного завтрака и сырой воды начались проблемы с животом. Но когда один из солдат, он шёл в колонне впереди Ивана, примерно в сорока шагах, попытался выйти в сторону, чтобы справить нужду, раздалось немедленное:

– Хальт!

Несчастный боец, держась руками за живот, обернулся к окрикнувшему его конвоиру, показывая, что не собирается бежать, а только присесть на минуту на обочине, и шагнул дальше. Немец выстрелил, не поднимая винтовки для прицеливания, и попал в спину страдальцу, точно на уровне живота, словно это и было тем лекарством, которое требовалось несчастному. Пленный упал, второй конвоир, бывший неподалёку, выстрелил в агонизирующего дважды, и тот затих. Колонна шла дальше без задержки.

На перекрёстке дорог военнопленных разделили. Небольшую часть погнали на запад, остальных – на север. Когда подошли к лесу, возле колонны конвоирам появилось подкрепление: группа автоматчиков с собаками.

В лесу дышится чуть легче.

Солнце стало клониться на западе к горизонту, когда в большом прогале колонну остановили. Конвоиры и собаки окружили пленных, им дали возможность справить нужду. И тут же подошла машина, опять же советский ЗИС-5, но другой, не тот, на котором увезли винтовки, и с другим водителем. Из кузова на землю полетели лопаты, пилы, несколько ломов и даже топоры. Ещё подошёл грузовик, немецкий, на нём привезли колючую проволоку.

И закипела работа. Пилили деревья, обрубали сучья, разделявали стволы на столбы, рыли ямы, устанавливали столбы в эти ямы, через пять-шесть шагов, и прибавляли рядами на них колючую проволоку. Ударная была работа. К заходу солнца лагерь, обнесённый колючей проволокой, был готов. Только теперь оголодавшим пленным дали пищу. Раздачу серого эрзац-хлеба и сырой картошки вели полковые повара и медицинский персонал; среди медиков было несколько женщин-санитарок.

Привезли воду, на которую в первую очередь, толпясь, накинулись умиравшие от жажды красноармейцы.

Матерясь на чём свет стоит, ели эрзац-хлеб и грызли картошку. Иван свою картофелину в сыром виде есть не стал. В вещмешке у него были спички, он собрал под ногами сухие сучки, кору и разжёг костерок, всё время ожидая окрика от охранников, а то и пули в спину. Но его самостоятельность не вызвала реакции конвоиров. Иван воткнул найденную Василём палку наклонно над огнём, приладил над костром свой котелок, в котором сохранил часть воды, когда подходил к баку и утолял жажду, бросил в котелок свою картофелину и клубень Василя. Дзагоев придвинулся к нему, Иван взял и его картофелину, положил в котелок и картошку Фёдора Дубова. Глядя на них, стали готовить ужин и другие пленные.

Те, кто не вытерпел голода и съел сырую картошку, поворчав, уснули, устав от долгой ходьбы и тяжёлой работы.

– Соли бы ещё! – вздохнул Дубов, когда вода в котелке закипела.

– Тикать надо – вот шо. – Василь, покатав горячую картофелину в ладонях, начал есть её, не очищая от кожуры. – Бо при таком разе загубят нимцы, и не бачить нам, Иване, своей Богдановки.

– Вон дядько нам дорогу посветит, – кивнул Иван на вышку, которую успели до ночи поставить на одном углу проволочного ограждения – там немцы как раз в это время наладили прожектор, и луч его, слепя глаза, начал обшаривать территорию лагеря. – А Богдановку, может, ещё побачим.

Сердце ныло от воспоминания о родной деревне. Богдановку когда-то начинали переселенцы с Украины: на берегу реки построили хаты, пахали землю, женились, рожали детей и умирали. Сибирь стала их родиной. Когда пришла советская власть, приняли её, не сопротивлялись, крестьянам было всё равно, кто сидит в далёкой столице в царском кресле. Но когда тут стали хозяйничать иностранцы: англичане, французы, японцы, чехи и ещё чёрт знает кто, – когда отступающие колчаковцы стали забирать не только лошадей, но и молодых мужиков стали ставить под ружьё, то не только коренные сибиряки, но и пришлые из «Расеи» поняли, что надо избавляться от непрошенных гостей.

Когда новая власть стала организовывать колхозы – хохлы, как их называли жители соседних деревень, скооперировались: они и раньше жили единым сообществом, не чураясь и тех, кто волею судьбы оказывался жителем их деревни.

В школе учительницей была русская женщина, приехала по направлению молодая, красивая и через два года вышла замуж за хохла. За грамотность, красоту и спокойный характер она стала самым уважаемым человеком в деревне, большим уважением, пожалуй, пользовался только председатель колхоза – Бережко Мартын Афанасьевич. Его, имевшего два класса образования церковно-приходской школы, выбрали председателем, несмотря на уговоры и давление районного начальства, за хозяйственность, за мудрость и редкостное понимание всякого крестьянского дела. Землю он знал как никто, скотину любил и холил, и даже трактора и комбайны, когда они появились в МТС – машинно-тракторных станциях – и работали на колхозных полях, не стали для него загадкой.

Весной сорок первого на воинскую службу призвали семь парней из Богдановки, рождения тысяча девятьсот двадцать второго года. Иван был старше на два года. Провожая их в военкомат, Мартын Афанасьевич чуть не прослезился:

– Ну, хлопцы, не посрамите ридных и деревню. Чую, будэ трудно вам, шось там гитлеры маракують початы вийну. Як бы вам не пришлось бытыся з ими...

Была ещё одна досада-забота у председателя: уже в минувшем году и зимой брали в армию не только тех, чей возраст подошёл, но под видом переподготовки наращивали численность войск, шла мобилизация мужчин из запаса, в том числе из Богдановки привлекли на учения тракториста и комбайнёра, чтобы подготовить из них танкистов. Этот факт лучше всего убеждал Мартына Афанасьевича, что войны с немцами не миновать.

Надежда Степановна, учительница, тоже прослезилась: в армию уходили её ученики. Когда она начинала учительствовать, в Богдановке была только начальная школа, потом школа разрослась до семилетки. Большинство юношей и девушек на этом и останавливались, шли работать в колхозе после семи классов, а некоторые, как Василь Яковенко, и раньше забрасывали учение – им нравилась работа на полях либо на ферме. А вот Иван Яценко был одним из лучших учеников Надежды Степановны: он не только легко справлялся с математикой, физикой и другими предметами, но быстро овладел русским, не вставлял в речь слова украинской мовы, как это часто случалось у других учеников, и писал сравнительно грамотно.

– Учиться тебе надо, – настаивала Надежда Степановна.

– Зачем? – удивлялся Иван. – Я бухгалтером быть не собираюсь.

В пятнадцать лет ему казалось, что оканчивать десятилетку надо только для того, чтобы сидеть где-нибудь в конторе и стучать костяшками на счётах. Да и родители не очень настаивали на продолжении обучения: «треба гроши» – с восьмого класса надо было платить за учёбу. После окончания седьмого класса Иван не поехал в районную школу, взял в руки топор и влился в бригаду, которая строила ферму. Пять лет махал не только топором, сенокос и уборочная страда, весной – посевная...

А ещё был он дорог учительнице тем, что её старшая дочка, которая, конечно, продолжила учёбу и к весне сорок первого заканчивала десятый класс, на каникулах зимой и летом спешила из райцентра в родную деревню, чтобы тут, на вечёрках, быть поближе к Ивану. Высокий, златокудрый и голубоглазый парень пленял девчат не только красотой, но и тем, что он «гарно спивал» песни. О ком болит сердечко Таисии, Надежда Степановна не могла не знать.

Таи в Богдановке в день проводов парней в армию не было, училась.

И вот Иван уже машет с саней, которые по снежной каше увозят парней на угор, через лесок и поле, и далее, далее...

Тая же встретила и проводила Ивана в райцентре, на вокзале, при посадке в поезд. Смотрела потерянно, из глаз вот-вот, казалось, покатятся слёзы, но она сдержалась. Поцеловаться при народе они постеснялись.

Отец с матерью распрощались с Иваном дома, не пошли к правлению колхоза, где провозжали ребят на службу: у матери была на этот счёт какая-то примета.

Спать пленникам пришлось на голой земле, на траве, истоптанной множеством ног. Зябли, жались друг к другу, но сопение и храп скоро повисли над поляной.

Иван перед сном переобулся, чтобы намокшие при переходе через речку ноги посмотреть – не натёр ли? Снова намотал обмотки, догадываясь, что утром времени на это может не быть. Притулился к спящему Василию, но уснул не сразу. На дальнем от ворот участке, вблизи вышки с прожектором, обильно росли, кроме шиповника, лебеда, лопухи и крапива – сюда, как в сортир, бегали солдаты, чей желудок не вынес немецкого хлеба и сырой картошки. «Откуда в лесу крапива и лебеда?» – вертелась эта мысль в голове, пока усталость не сморила и его.

Проснулись пленники от резких хлопков: раздалось несколько винтовочных выстрелов. В луче прожектора увидели, что один из красноармейцев, воспользовавшись темнотой, попытался перелезть через заграждение – у столба по колючей проволоке, поднимался как по ступенькам, но в это время залаяли собаки, включился прожектор и охранники с двух сторон поразили беглеца. Он уже был на самом верху и, сражённый, повис вниз головой, на свободную сторону. Там он и остался до рассвета.

Утром подъём, построение, и знакомый уже Ивану высокий немец с листом бумаги стоял перед взводом, всматриваясь в лица русских солдат. Вызывать пофамильно не стал, пересчитал, очевидно, количество пленных и начал раздавать им небольшие лоскуты белой материи, на которой были чёрной краской отпечатаны номера. Немецкий порядок требовал учёта, и где-то в Германии на фабрике заранее изготовили номера для будущих белых рабов. Тыкая жёстким пальцем в грудь Фёдору, потом Ивану, немец показал им и всем остальным, куда надо пришить номер. Иван оказался под номером 0782.

Когда приказание было исполнено, всех опять построили. Немец прошёл вдоль строя и снова своим пальцем, на этот раз как крючком, оторвал плохо пришитый номер у стоявшего слева от Ивана солдата Власа Воронова. И немедленно, не произнося ни слова, коротким боксёрским ударом в горло свалил Власа на землю. Пока тот, задыхаясь, корчился в муках, немец обнаружил ещё несколько нерадивых пленных, но уже бил не сам, а доставал их прикладом винтовки помощник, рядовой немецкий солдат.

Завтрак в походных полковых кухнях был приготовлен полковыми же поварами, баланда, не то борщ, не то рассольник, без мясного, с каким-то техническим жиром или растительным

маслом. Капустные листья, наспех помытая картошка, свёкла – всё-таки борщ. К этой баланде прилагался кусок малосъедобного немецкого хлеба.

– Свиной моя мать лучше кормит, – пробурчал Иван, доставая ложкой из котелка капустный лист.

Василь только выматерился, Дзагоев скрипел зубами, а Дубов, вздохнув, сказал:

– Как бы ещё хуже не было.

Иван обратил внимание, что во время подъёма, на построении, женщин полка, радисток и медсестёр, на территории лагеря уже не было видно.

– Куда наших девчат подевали?

Но вопрос повис в воздухе. Каждый понимал, что судьбы женщин и девушек будут нелёгкими...

Пленных снова построили. И тут вдруг перед ними опять возникла фигурка писаря. На этот раз в чёрном мундире, на рукаве повязка со свастикой. Он прошёлся вдоль всего построения пленных, в руке у него был настоящий плетёный хлыст, которым он всё так же похлопывал по голенищу, объявил:

– Ко мне следует обращаться: «Господин гауптман». Вы будете работать на Германию – это великая честь! Все распоряжения по работе от моего имени вы получите от господина Каспарайтиса. Обращение к господину Каспарайтису: «Господин обершарфюрер» или если угодно: «Господин фельдфебель».

При этом из-за спины гауптмана выдвинулся названный господин – серая форма, две звёздочки, те же молнии и эмблема мёртвой головы, что были на форме бывшего полкового писаря накануне. За спиной, в отличие от солдат на вышке и у ворот, вооружённых винтовками, автомат. Судя по фамилии – этот фашист из Прибалтики.

Неведомо парням, попавшим без боя в плен, что нацисты, готовясь к войне с СССР, тщательно изучали не только состав Советской армии, её вооружение, военную промышленность и экономический потенциал в целом, но и характер народов, населявших страну. И делали определённые выводы, как надо поступить с тем или иным народом после победы над Советами. Упрямые русские должны быть сокращены до предела, оставшиеся обращались бы в рабов у господ немцев, которые становились хозяевами земельных участков. А управляющими у этих господ стали бы близкие по духу немцам прибалты: эстонцы, латыши или литовцы. И вот уже во второй день вторжения в Советскую страну этот принцип управления начал внедряться в лагере, не получившем пока ещё названия.

Фельдфебель распределял пленных на работу. Ивана и ещё четверых пленных, выделив из строя, передал под охрану двум автоматчикам, объяснив им что-то на немецком. Перед этим, ткнув пальцем в сторону Ивана, сказал ему:

– Ви – старший, строить хата для господин.

Выделил Ивана из остальных, видимо, потому, что очень уж приметным был он своей внешностью, ярко-рыжими, хоть и коротко остриженными волосами, а ещё заметил, очевидно, что Иван старше своих однополчан.

– Форвартс! Шнель! – Немец движением ствола автомата показал направление движения и дал знать, что надо шевелиться быстрее.

Пятёрку Ивана вывели за ворота лагеря, туда, где близ ограждения из колючей проволоки стоял ЗИС-5 с инструментами. Один из охранников показал, что надо взять из кузова, задний борт которого был открыт, и отступил в сторону. Второй немец стал впереди машины, предупреждая пленным возможный рывок в сторону леса.

Иван взял из кузова две большие лопаты, топор, пилу и молоток, отметив про себя немецкую хозяйственную хватку: инструменты были те самые, которыми красноармейцы строили блиндажи и доты. Здесь же зачем-то находились и маленькие, сапёрные, лопатки. Заметив краем глаза, что немец отвлёкся на остальных пленных, Иван одну сапёрную лопатку сронил

на землю и быстрым движением ноги задвинул её в траву под колючую проволоку. Конвоир обернулся на звук, но увидел только, как Иван, наклонившись, поднимает с земли упавший топор. Иван ещё не осознавал, зачем он так сделал, но чувствовал, что лопатка, если удастся потом её незаметно прибрать, находясь в лагере, может пригодиться.

В это время в тени деревьев, шагов за полсотни от ворот лагеря, раздался смех немцев, похожий на ржание, и Иван с товарищами увидели, что там установлены палатки немецкие и одна крайняя – советская, из тех, в которых жили красноармейцы до плена. Из неё с хохотом вывалился полураздетый немец и тянул за собой полуобнажённую девушку. Иван узнал её: это была медсестра из их роты, Настя. Она сопротивлялась, но из палатки появился ещё один пьяный немец, они вдвоём заломили Насте руки и повели в следующую палатку.

Иван с топором в руках и его товарищи с инструментами готовы были броситься туда, но охранник передёрнул затвор автомата, напоминая, что делать резких движений нельзя. Глаза Ивана и автоматчика, рыжеватого высокого парня, встретились. Случись Ивану и этому рыжему в мирное время оказаться рядом, их приняли бы за братьев. Но теперь... В белёсых глазах немца Иван увидел насмешку и неприкрытое желание, чтобы русские дёрнулись на выручку девушке. Ему хотелось пострелять. Второй немец, пожилой, по мерке Ивана, следил за этой мимолётной сценой равнодушно, но автомат держал наготове.

В это время из ворот вышел Каспарайтис, поманил пальцем Ивана и показал ему небольшой листок бумаги:

– Строить для господин немецкий зольдат. Понимай? Здесь. – Фельдфебель показал ногой, где должен быть вкопан первый столб.

Что было не понять? Указаны размеры – ширина, длина и высота строения: немцы не собирались жить в палатках, а хотели более надёжного укрытия от зноя и дождей. Да и следить за воротами лагеря из окон будет сподручнее тем солдатам, которые сменяются на отдых.

Из ворот между тем выводили пятёрками других военнопленных и вели в лес, где им предстояло пилить и разделять деревья: Германия нуждалась в строительном материале.

Для построения летнего домика привезли доски, которые в прошлом служили нарами в палатках красноармейцев: хозяйственность немцев не знала границ.

– Берите лопаты, – сказал Иван Дубову и Дзгоеву. Обернулся к Воронову: – Ты как? Можешь работать?

Влас Воронов, которому немец повредил гортань, только кивнул головой, говорить ему было трудно. Второму бойцу, Михаилу Бартеву, которому Иван назначил орудовать пилой вместе с Вороновым, Иван не знал, что можно было бы поручить делать: парень был, что называется, безрукий. Иван это увидел ещё во время строительства блиндажа, там, на границе, в совсем ещё близком и таком уже далёком прошлом.

Показав товарищам, где копать, сколько отпилить от деревьев, Иван взял в руки топор и стал готовить столбы, обтёсывать их так, чтобы можно было прибивать к ним доски.

Охрана, сменяясь время от времени, в полдень пообедала у своих палаток, пленным обеда не было. Однако Каспарайтис, подходивший несколько раз посмотреть, как продвигается стройка, разрешил Ивану сходить на кухню и принести воды.

Другая группа военнопленных строила между тем вышки по углам лагерного заграждения. К вечеру на них, как и на первой, появились ещё прожектора. Несколько бригад, по пять человек в каждой, возводили второй ряд проволочного заграждения – вышки оказались защищены от подхода не только со стороны лагеря, но и извне: немцы в устройстве лагеря знали толк. Тут не убежишь.

Когда к вечеру разрешили прекратить работу и на территорию лагеря стало возможно зайти без сопровождения охранников, Иван, войдя в ворота, присел у проволочного заграждения, чтобы переобуться, и, улучив момент, когда немцы на вышке не смотрели в его сторону, быстро спрятал под гимнастёрку сапёрную лопатку, благо ремня на поясе не было. Чуть скло-

нившись, чтобы черенок лопатки не выпирал из-под гимнастёрки, слегка прихрамывая, прошёл в дальний конец лагеря, где они ночевали, спрятал свою драгоценную добычу в крапиве. Позже, когда надвинулись сумерки, лопаткой взрезал дёрн и спрятал её под пластом.

Ужин, всё та же баланда, прошёл, стемнело. Лёжа рядом с Иваном, Василь спросил шёпотом:

– Ты на шо лопатку принис?

– Сгодится, – неопределённо ответил Иван.

Но Василь не удовлетворился ответом:

– Ото, я думаю, за крапивою, там можно копать.

– Ладно ты, – остановил односельчанина Иван, – чем меньше говорить, тем лучше. Давай спать.

– Ага.

К ним придвинулся Бартев.

– Что, Миша? – спросил Иван.

– Немцы уже вроде на Киев двинулись.

– С чего ты взял?

– Гауптман с фельдфебелем разговаривали.

Иван насторожился: он видел, что фашисты беседовали, даже слышал разговор, но говорили они на немецком.

– Ты знаешь немецкий?

Миша смутился:

– Понимаю немного.

– Откуда?

– Так в нашей деревне немцы, переселенцы...

– Ага. – Иван успокоился: как украинцы в Богдановке.

Михаил отодвинулся, ругая себя за неосторожность: выдал свою маленькую тайну; чем меньше о тебе знают, тем безопаснее.

Настоящая его фамилия была Бартель. Отец его происходил из немцев, которых ещё Екатерина Вторая поселила на Волге. Мать была дочерью еврея, управляющего в поместье обрусевшего немца, дворянина. Общаясь с детьми помещика, Сара вполне сносно научилась говорить на немецком, а когда подросла, то и грамоту немецкую освоила по настоянию отца. Когда же началась революция и перемешала все нации и сословия, случилось так, что немец Василий Карлович Бартель влюбился в еврейку Сару Давыдовну Шнейдер. Они поженились. В тысяча девятьсот двадцать втором году у них родился мальчик, которого назвали Михаилом. В свидетельстве о рождении в графе «национальность» ему записали: еврей. Когда подросший Миша, учась в девятом классе, поинтересовался, почему еврей, а не немец, мать сказала:

– Быть евреем в нашей стране выгоднее, чем немцем.

Миша понял: в стране шла повальная поимка немецких шпионов. Понял он и другое: почему так неожиданно три года назад они сорвались из своего городка на Волге и уехали в Сибирь, в деревню, в которой была школа-семилетка, куда взяли учителем математики его отца. Прежде отец был директором полноценной десятилетней школы и преподавал не только математику, но и немецкий. Кто-то написал в органы письмо о том, что Василий Карлович, скорее всего, шпион. Следователем оказался еврей, давно сменивший еврейскую фамилию Цукерман на Сахарова, который знал и Сару, и Василия, он и намекнул, что у него есть «интерес» к Саре. Сара пришла к нему на приём, догадываясь, в чём заключается этот «интерес». Она попросила Сахарова отдать ей письмо и не арестовывать мужа. К просьбе приложила золотые серёжки, доставшиеся ей когда-то от матери. Следователь не стал ломаться, взял серёжки, открыл папку, в которой только и был один листок, но прежде чем порвать его, предупредил:

– Но чтобы через сутки вас тут не было.

Они выехали в тот же день, вечером. А на новом месте в сельсовете они предстали обворованными в пути переселенцами, у которых украли деньги и документы. Заведующая, получив в подтверждение сказанного золотое колечко, которое Сара Давыдовна сняла с пальца, вернула его хозяйке, сделала документы Василию Карловичу, который стал Василием Карповичем Бартевым и превратился, со слов Сары, в русского. Сара в своих данных не стала ничего менять, сын, Миша, на тот момент ещё не имел паспорта, а его метрики убрали подальше.

В то время у многих не было никаких документов, и выдавали их со слов заявителя, получив, правда, подтверждение одного-двух свидетелей.

Кольцо Сара хотела отдать на всякий случай, по принципу: «не подмажешь, не поедешь», но председательша так посмотрела на неё, что Сара сконфузилась.

По окончании школы Миша получил паспорт, новую фамилию и новую национальность, стал, как и отец, русским. Осенью сорокового года он поступил в пединститут на исторический факультет, но проучился в нём лишь до Нового года, потому что ещё осенью, когда студентов направили на уборку картофеля, простудился и толком не мог оправиться от кашля. Заботливая мама решила, что сыну надо взять академический отпуск по болезни, что и было сделано. Но весной Мишу пригласили в военкомат, райвоенком оказался непреклонным исполнителем закона, и вскоре бывший студент оказался на службе. Когда от армии отвертеться не удалось, Сара Давыдовна, предчувствуя грозные надвигающиеся события, сказала со вздохом:

– Как знать: возможно, что скоро быть немцем будет выгоднее, чем евреем или даже русским.

Из всех напутственных слов эти слова всплыли в памяти Михаила. Действительность показывала, насколько дальновидной была его мама.

– Гауптман – это кто? – прервал его воспоминания Иван.

– Это как капитан, по-моему.

– О-о! – Капитаном был комбат, большой командир для рядового солдата. – И наш начальник штаба тоже капитан был, – уже вслух, подумал Иван.

– Я вот только не понимаю, – у Михаила другое направление мысли, – как это у них, у немцев, организовано. Он же, Шибздик, был шпионом, разведчиком, а тут вдруг в форме эсэсовца. Я думал раньше, что СС – это личная охрана Гитлера.

– Ага, – буркнул Иван, – теперь это наша личная охрана.

На следующий день Ивану с его группой досталось строить туалет. Случилось это так. Гауптман появился в расположении лагеря с намерением осмотреть надёжность заграждения, прошёлся в сопровождении Каспарайтиса и группы автоматчиков вдоль колючей проволоки и стал кричать на фельдфебеля:

– Швайн! – и прочее, что русские понять не могли.

– О чём он орёт? – спросил Иван у Михаила, хотя догадывался, что бывший писарь вляпался сапогом в нечистоты, которых по лагерю было больше, чем мин на минном поле.

– Обещает отправить Каспарайтиса на фронт, называет нас свиньями и его тоже свиньей.

Получив лопаты и инструменты, Иван со своей группой пошли копать ямы в дальнем углу лагеря, совсем недалеко от вышки, на которой был установлен первый прожектор. Грунт оказался податливым, супесь. Яма в виде глубокой траншеи длиной метров восемь была вырыта довольно быстро.

– Для чего такой глубокий яма делам, мы тут на всю жизнь расположились? – ворчал Дзгоев.

– А ты делай, что говорят, – поддержал Ивана Фёдор, – у нас умный старшой, можно ему лычку ефрейтора дать.

По краям траншеи уложили два длинных бревна, на них поперёк настелили доски с дырами соответственно. Никаких стен, ограждающих от посторонних взглядов, естественно, не поставили.

Иван, руководивший этой постройкой, два крайних метра настила соединил понизу поперечными досками, гвозди, которыми должны были прибить доски к брёвнам, пробил насквозь и загнул, создавая вид, что всё надёжно схвачено. Получившийся щит с крайним очком можно было приподнять и проникнуть в яму. Ни Василь, ни остальные теперь уже не спрашивали, для чего он так сделал. Свидетелей сделанного не оказалось: вторая бригада строила сортир в другом углу лагеря.

Делая вид, что работа ещё не закончена, начали, сменяясь, рыть под настилом ход в сторону проволочного ограждения. До заграждения было метра четыре, так расположил туалет Иван. Землю из хода кидали на дно траншеи. Теперь и Дзгоеву было ясно, для чего рыли такую глубокую отхожую яму. Близость вышки оказалась на руку пленным: для того, чтобы проследить за ними, охранник должен был подойти к перилам и посмотреть вниз. Торчать в таком положении немцы, конечно, не стали.

Каспарайтис, как всегда, пришёл проверить работу, прошёлся по добротному настилу, посмотрел на Ивана, ничего не сказал. Но было понятно, что угроза отправки на фронт минует фельдфебеля.

Когда уставшие пленники уснули, Иван толкнул Фёдора, и они, с интервалом в две-три минуты, отправились к туалету. Инструменты были, разумеется, сданы, но сапёрная лопатка у них была! Приподняв край щита, Иван спустился в яму – ступеньки в стене были предусмотрительно сделаны ими перед окончанием работ. Фёдор аккуратно, без стука, вернул щит на место, спустив штаны, сел на соседнее очко, луч прожектора, шаркнув по голому задку его, ушёл в сторону ограждения и погас. Минут через двадцать они поменялись местами, теперь Иван, уже в другом месте туалета, изображал страдающего, а Фёдор трудился внизу. Землю насыпали в освобождённый вещмешок Ивана и разносили во всей длине туалетной ямы, рассыпая по дну ровным слоем для маскировки и присыпая появившиеся уже нечистоты. Потом их сменили Дзгоев с Вороновым. Их смена тоже прошла без происшествий, ход продвинулся почти до ограждения. Василию с Михаилом работать не удалось: после полуночи к туалету то и дело подходил кто-нибудь из пленных, и они вынуждены были вернуться к товарищам.

Утром всех пленных вывели на повал леса. Группа Ивана, как и в предыдущий день, работала одной бригадой. Иван подрубал вековые сосны, потом они с Фёдором пилили двуручной пилой дерево. Михаил и Влас обрубали сучки, а Василь с Дзгоевым отмеряли специальным шестом длину и распиливали деревья на брёвна.

На участке появились лошади, полковые артиллерийские лошади теперь тоже трудились на рейх, вывозя лес на открытое место.

В полдень вдруг явился гауптман в сопровождении пожилого немца в гражданской одежде и целой группы военных: офицеров и рядовых. Из чего можно было заключить, что гражданский – важная птица. Работы приостановились, пленных заставили стать по команде «смирно». Гражданский, выслушивая объяснения гауптмана, иногда кивал головой в знак одобрения, но потом подошёл к штабелю готовых брёвен и попинал нижнее бревно сапогом.

Гауптман подозвал к себе стоявшего в отдалении Каспарайтиса и отдал ему какое-то распоряжение. Тот вытянулся, ответил и, развернувшись, трусцой поспешил в сторону лагеря.

Когда высокий гость и гауптман удалились, стало ясно, чего хотел гражданский: Каспарайтис пришёл с солдатом, который принёс несколько маленьких лопаток и приказал ближним пленникам разбирать штабель и ошкуривать брёвна.

Первые машины с очищенными от коры брёвнами пошли по дороге не в сторону фронта, а на запад. Похоже, что приезжал хозяин лесного богатства.

Вечером Иван спросил у Михаила:

– Ты ближе всех стоял, слышал, о чём они говорили?

– Не всё и не всё понял. Кажется, они торговались о цене леса.

– Во как?! – изумился Дубов. – Наш писарь зарабатывает на дармовой рабочей силе?

– Надо будет отслеживать, что происходит у ворот лагеря и в палатках немцев, – сказал Иван.

– И смену часовых на вышке, – добавил Дубов.

Продолжить рытьё хода этой ночью не удалось: в лагере оказалось пополнение пленными, небольшая группа их расположилась почти у самого туалета. Эти красноармейцы разительно отличались от первых пленников: грязная и рваная одежда, потемневшие лица, словно бы они не умывались все дни с начала войны, некоторые были перевязаны бинтами, серыми от грязи. Смотрели зло и с подозрением на сравнительно чистых старожилов лагеря.

На другой день к вечеру погода испортилась, стал накрапывать дождь, но работу не прекратили. Бартев, поскользнувшись, не удержал топора, и лезвие, едва коснувшись сучка, разрубил ботинок. Хлынула кровь. Ближайший охранник крикнул что-то, явился старший, занял его место, разрешил часовому отвести пострадавшего в лагерь. Иван осмелился вмешаться, сказал Михаилу:

– Разуйся сперва, надо остановить кровь.

Михаил, морщась от боли, снял ботинок, рана была на взёме. Оторвали полосу от натальной рубахи его, кое-как забинтовали ногу, кровь быстро проступила сквозь ткань.

Солдат, которому поручено было сопроводить Михаила в лагерь, наблюдал за действиями русских, склонив набок голову, он был, кажется, рад происшествию, которое избавляло его от необходимости мокнуть под дождём. Хотя он и прятался до этого под деревом, но ему не повезло: молодая сосёнка была плохим укрытием, а уйти под большое дерево было нельзя – некоторые пленники выпадали из поля зрения.

– Шнель! – поторопил он Михаила.

И они пошли – Михаил впереди, с разрубленным ботинком в руке, хромая на босую ногу, немец с автоматом сзади.

В лагере Каспарайтис, увидев Бартева, заорал:

– Запоташ! Повесим!

Но к врачу допустил. Полковой медик, уже с сединой на висках, только руками развёл:

– Что ж ты, братец, так неаккуратно? Лечить тут особо нечем.

Но промыл ногу Бартеву тёплой водой с марганцовкой, даже йод нашёлся и бинт.

– Вот всё, что могу, – сказал, вздохнув, – скоро и этого не будет. Животами все маются. Вы хоть сами там, если возможно, угольки при себе держите. Древесный уголь немного помогает.

Угольки можно было взять возле кухни, и многие уже хрустели ими, что, кажется, помогало.

К ночи хилый дождичек разгулялся. Пленники мокли и мёрзли, но спрятаться было некуда.

– Пишлы копаты, тамо и дождя нема, – сказал Василь Ивану.

Иван уже думал об этом, ответил другу:

– На мокрую одежду земля налипнет, утром сразу все увидят, чем мы занимаемся.

– А в яме, под настилом, поди, сухо, – вздохнул Дубов.

– Ага, – съязвил Воронов, гортань у него поджила, голос появился, и он, радуясь этому, пробовал говорить, – замечательное место для отдыха, духами пахнет.

– Да и близко там новенькие, – продолжал размышлять Иван, – услышат нашу возню, начнут выяснять, что происходит. Надо их как-то отправить в другое место.

Он встал и прошёл к новичкам. Некоторые уже спали, сгрудившись в кучу, однако, когда Иван подошёл ближе, раздался негромкий густой бас:

– Кто тут? Чего надо?

И в темноте, прямо у самых ног Ивана, приподнялся от земли обладатель баса.

Иван присел.

– Спросить хочу: как там, на фронте?

– Не видно – как? Хреново.

Помолчали. Иван спросил:

– Где наши? Далеко? Как вас взяли?

– Тебя как звать? – спросил бас.

– Иваном. А тебя?

– Семён. Вот что, Ваня: бьют нас в хвост и в гриву, так, что говорить не хочется. А взяли нас просто: танки обошли слева и справа, с ними – автоматчики. А мы со своими пушками – без снарядов. Я – артиллерист, подносчиком был. Когда на тебя танк прёт, а у тебя только винтовка в руках, что делать? Под танк ложиться, чтобы брюхом его остановить, или «хенде хох»? Кто не сдался, тот там теперь и лежит. А раненых, кто на ногах не держался, пристреливали или давили гусеницами.

Иван представил эту жуткую картину.

– Что ж они, звери, раненых, разве так дозволено?

Отец Ивана три года, с четырнадцатого по семнадцатый – до Октябрьской революции – кормил вшей в окопах, всего натерпелся и навидался, но о том, чтобы убивали пленных, не говорил, не слышал такого.

– Им всё дозволено. Нелюди. Не дай Бог всё это видеть!

Льёт дождь, в темноте ворочаются, ругаясь, усталые пленники, время от времени вспыхивают прожектора, ощупывая лучами заграждение лагеря: там, под крышами вышек, люди в серой форме озабочены тем, чтобы удержать совершенно незнакомых им людей, которые ничем ни перед кем не провинились, в холоде и слякоти, как диких и опасных животных.

– Почему снарядов не было? Не подвезли?

– Долго рассказывать. Какой-то гад нашим лошадям копыта подрезал. Ты видел когда-нибудь, как лошадь плачет? Нет? Слеза как горошина...

Голос Семёна дрогнул, он замолчал. Иван пытался в темноте разглядеть лицо собеседника, но тщетно, только раз, когда луч прожектора скользнул поблизости, на мгновение высветилось скуластое лицо Семёна. Несмотря на то, что лицо Семёна грязное, Ивану оно показалось совсем молодым. По густому басу Иван ожидал увидеть перед собой пожилого мужчину.

– Вы в каком месте границы были? – спросил Иван.

– На какой границе?! От нас до границы двести, может, триста вёрст было. Что война началась – это, понятное дело, узнали сразу. Ну, в тот же день. А вот то, что они прорвались и далеко продвинулись, мы не знали. Связь по телефону, а диверсанты столбы поспиливали, провода порезали. Кажется, на третий день дали нам команду выдвигаться вперёд. Пока суть да дело, немцы под носом. Мы пушки на себе за несколько километров катили, развернули на позиции – с помощью пехоты, конечно, снаряды на горбу доставляли. Тоже и снаряды пехота помогала, но у них своя задача. А много ли притащишь, когда сверху тебя пулемёты поливают? Где наши самолёты? А-а!.. – Семён выругался матом. – Вас как в плен взяли?

– Сдали нас.

– Это как? Кто сдал?

– Командиров ночью убрали втихую, а нас утром под немецкие автоматы выстроили. Гауптмана видел? Вот он. Писарем в полку был.

– Немцем оказался? Чёрт! Я думал, что про немецких шпионов для острастки говорят, чтобы бдительность не теряли, думал: дурь это, за одного шпиона сколько невинных могло пострадать, а оно вон как! Да ведь и лошадей наших попортили, наверное, из таких вот. А?

Иван промолчал. Дядю Василия взяли в тридцать восьмом году. Приехал в деревню журналист, чтобы написать заметку о тружениках колхоза имени Жданова, которые не только план по хлебозаготовкам досрочно выполнили, но и сдали сверх плана три тысячи пудов. Праздник был в деревне: уборочную закончили, трудодни подсчитали, выдавали зерно на трудодни,

загружали сельчане мешки на подводы, везли в свои сусеки и амбары. Тут, у колхозных амбаров, толпился народ стар и млад – разговоры, шутки, смех. Дядя Василий был затейник ещё тот: частушку озорную мог спеть, анекдот рассказать, поддеть соседа или соседку перчёным присловьем. Вот журналист к нему и пристроился со своим блокнотиком. В сторону увёл, что-то записал, водочкой обещал угостить, спросил:

– А про жидов анекдоты знаешь?

– Ни. – Дядя Василий знал, что за анекдот про евреев можно в кутузку угодить и ещё дальше, а журналистик кудрявый этот – кто? – евреев у нас нема.

– И что, никогда и не было? – поразился журналист.

– Був одын.

И дядя Василий рассказал, как через деревню проходили колчаковцы, а с ними были пленные, которые за большевиков. Одного такого пленного на берегу речки казаки казнили. Казачий сотник, приговаривая: «Я козак, а ты жид, недолго будешь жить!», зарубил шашкой несчастного, и тот упал под обрыв.

– А бильше жидив у нас нэ було, – так закончил свой рассказ дядя Василий. И не удержался, добавил: – Мабуть, не зря кажуть: «Дэ хохол пройшов, там еврею робыць нічэго».

В районной газетке журналист написал про успехи колхоза имени Жданова, в конце заметки посетовал, что есть среди колхозников и антисоветский элемент, как, например, Василий Яценко, он и антисемит к тому же. Через два дня дядю Василия забрали. «Без права переписки» – такое решение к сроку заключения больше всего тогда поразило Ивана, да и не только его. И действительно: писем от дяди Василия не было, и куда послать ему письмо, Яков, отец Ивана, старший брат Василия, не знал.

Наверное, из-за того, что дядя был осуждён, не со своим годом призвали в армию племянника «врага народа». Возможно, что в суде дяде Василию и шпионаж в пользу немцев навесили. «Любил петь мой дядя, – хотелось сказать Ивану, – по деревне, бывало, шёл и пел». Но ничего не сказал Семёну Иван, а только посоветовал перебраться в другое место.

– Чего вы возле сортира устроились? Есть место, где не воняет.

Каспарайтис доложил гауптману о «саботажнике». Среди пленных уже было несколько человек, которые болели в лёжку и работать не могли, что был понятно даже не осведомлённому в медицине человеку. А тут ещё прибавились раненые, которые оказались среди новых пленников. «Дармоеды»! Утром на поверке гауптман появился перед строем, как всегда, со своим хлыстом, прошёлся туда и сюда, сказал Каспарайтису, кивнув на стоявшего на одной ноге Бартева:

– Этого ко мне!

Михаил понял, что ближайшее будущее не предвещает ему ничего хорошего. Но того, что случилось чуть позже, он никак не мог ожидать.

Лагерники вышли на работу. Михаил, стараясь легче ступить на порубленную босую ногу, последовал за фельдфебелем в небольшую будку, построенную у ворот. Оттуда, распахнув дверь, вышагнул немец с автоматом, пропуская пленного в тесное помещение. Гауптман сидел за дощатым столом, спросил, едва Михаил переступил через порожек:

– Откуда ты знаешь немецкий язык?

От неожиданности Михаил качнулся, опёрся на больную ногу и чуть не упал. По лицу эсесовца скользнула тень улыбки: первый же «выстрел» попал в цель. Михаил на несколько мгновений потерял дар речи: «Как он узнал?!» Ему было невдомёк, что от внимания бывшего писаря-шпиона не ускользнули те моменты, когда вблизи этого русского разговаривали немцы, солдат напрягался и замирал, очевидно, вслушивался в то, что говорили.

– Ну, отвечай! Ты завербован контрразведкой? Настоящая фамилия? – второй «выстрел».

– Н-нет, – пробормотал Михаил, окончательно растерявшись, – нет. Я... Это... Папа мой – немец. Бартель. Я плохо понимаю, я...

– Папа немец, а ты плохо понимаешь? Это почему?

– Меня не учили. – Михаил начал приходить в себя, сознавая, что врать и изворачиваться поздно, решил говорить правду, поскольку правда уже выплыла наружу и ничего больше изменить не могла. – Специально отец не учил, а наши немцы, ну, которые жили в России давно, не первое поколение, говорят по-другому.

Гауптман слушал, не перебивая. Солдат не врёт. Когда-то, после окончания Первой мировой войны, он, Павел Кляйн, вместе с отцом, матерью и сёстрами выехал из России в Германию. Было ему тогда шестнадцать лет, и он тогда почувствовал разницу в языке «русских» немцев и немцев «настоящих». Два года упорных занятий привели к тому, что он со своим немецким перестал выделяться среди местных жителей и спустя ещё три года смог поступить и в университет. Где и был, уже на первом курсе, завербован полицией. Через два года, не дожидаясь, когда Пауль Кляйн станет полноценным инженером-радиотехником, его переправили обратно в Россию, по новым документам. Шёл тысяча двадцать шестой год, Гитлер уже сформировал свою полувоенную организацию. Пауль тоже хотел вступить в СС, но туда брали высоких, отборных парней...

– Мама кто?

– Библиотекарь. – Михаил уже владел собой и ожидал вопрос о матери, но чуть слукавил, догадываясь, что гауптмана интересует её национальность. Благодаря тому, что в библиотеке была масса самой неожиданной литературы, в том числе и на немецком, Михаил знал много чего, что было недоступно его сокурсникам по историческому факультету.

– Я спрашиваю, кто она по национальности?

– Мама немка, – не задумываясь, соврал Михаил.

Гауптман молчал, будто углубился в свои размышления. Он невольно вспомнил тот год, те исключительно прекрасные документы, которые вручили ему. Пауль сперва опешил, когда увидел в них себя из того же посёлка, где они жили семьёй до войны, более того, он знал того мальчишку из русской семьи, чей домишко располагался неподалёку от их дома и чьё имя ему предлагали взять. «Владимир Пехов? – изумился тогда Пауль. – Особисты проверят и сразу обнаружат подмену. И, я помню, он младше меня на три года». «А ты посмотри его фотографию в двадцатилетнем возрасте, – был совет, – копия. И нам точно известно, что вся семья его погибла, а недавно и он...» В СССР новоявленный Владимир Пехов при первой же возможности поехал на свою родину, прошёлся по посёлку, который внешне мало изменился, но знакомых людей почти не было. Его не узнавали. Он сам нашёл старика, который знал Пеховых, поговорил с ним, и когда убедился, что старик скорее признает его за бывшего школьного пацана Вовку, чем за Пашку Кляйна, немчурёнка, то и выдал себя старику за Пехова. Старик не преминул припомнить лже-Владимиру, как тот однажды попался ему в огороде.

Этот визит на родину и эта деталь сослужили Паулю добрую службу, когда спустя несколько лет начались поиски немецких шпионов...

– Будешь служить рейху, – сказал гауптман.

Бартев молчал, не выказав ни согласия, ни возражения.

«Колёблется. Ведь трусоват, пожалуй, солдат», – подумалось гауптману, и он решил тут же проверить догадку.

– Впрочем, – гауптман выдержал паузу, сделал суровое выражение лица, – велю тебя расстрелять! Ты чекист. Настоящий немец должен был докладывать мне, офицеру рейха, обо всём, что происходит среди пленных.

Михаил промолчал и на этот раз, догадываясь, что гауптман ведёт какую-то игру с ним. Но кто его знает? Уже была возможность убедиться не раз, что убить пленного немцам что муху прихлопнуть.

- Я могу подумать? – попытался ещё оттянуть неизбежное пленный.
- Можешь, пока я достаю пистолет. – Гауптман сделал движение рукой к кобуре.
- Чё докладывать-то? – буркнул Михаил.
- Мы, немцы, умный народ и не задаём глупых вопросов! Пшёл вон!
- Едва Бартев дохромал до своего места в лагере, явился автоматчик.
- Ком! – сопроводил движением ствола автомата, куда следовало идти.
- Оказалось, на кухню. Каспарайтис был там.
- Хватит запотаж! Работать на кухня! Дроф.

Теперь Бартеву предстояло чистить котлы, готовить дрова на кухне взамен одного из пленных, помогавших поварам, – того отправили на заготовку леса. Михаил понял, что теперь ему придётся распрощаться с надеждой вернуться к друзьям – работать здесь придётся ночью, чтобы ранним утром котлы были на огне. Да и, поразмыслив, он решил, что вряд ли ему стоит быть с Иваном, Дзгоевым и остальными друзьями: копать подземный ход он не сможет и бежать из лагеря – тоже. В случае если беглецов поймают, он может отговориться, что не знал о подготовке побега.

За пределами лагеря, рядом с палатками немцев, пленные построили большой дом, в котором теперь расположились охранники. Там вечерами кто-то играл на губной гармошке, пели песни, слышался смех... Отдельный домик выстроили для начальника лагеря и его охранников. И эти строения надёжно обнесли колючей проволокой. Гауптман держал дистанцию с подчинёнными и в ночных оргиях, которые устраивали с пленными женщинами похотливые солдаты, не участвовал.

Михаилу Бартеву, наряду с некоторыми другими пленными, вменили в обязанность делать уборку помещения гауптмана. Это позволяло эсэсовцу выслушать Михаила наедине, не вызывая подозрений у пленных, что Бартев на службе у немцев. Ничего интересного для гауптмана он пока не сообщил, хотя, находясь возле кухни, мог слышать многие разговоры пленников.

Однажды на кухне случилось чрезвычайное происшествие. Один из красноармейцев, раненый, с повязкой на руке, принимая утренний паёк, возмутился:

- Вы чем нас кормите? Эту дрянь свиньи жрать не станут!

И понёс поваров и всю лагерную охрану по кочкам.

Явился фельдфебель в сопровождении своего телохранителя и капо, нескольких бывших советских солдат, теперь служивших немцам. У них «на вооружении» были дубинки. Пленные напряжённо замерли, ожидая расправы.

– Вы почему не соблюдаете конвенцию о пленных? – кричал теперь уже на Каспарайтиса солдат. – Почему заставляете работать? Почему кормите помоями?! Почему держите под дождём? Почему...

Каспарайтис, протянувший было руку к кобуре, посмотрел на сопровождавшего его охранника, приказал ему позвать начальника лагеря. Сам он всё-таки распорядиться жизнью пленных не смел, хотя жестокое, вплоть до убийства, отношение к пленным поощрялось. Гауптман появился через минуту, словно бы он знал заранее о том, что может случиться у кухни, и находился поблизости. За ним стояла целая группа вооружённых немцев. На лагерное поле с вышек направлены стволы пулемётов.

Михаил с ужасом думал, что сейчас начнётся расправа и пострадает не только знаток международного права, а и все, кто находится рядом. Но гауптман, выслушав спокойно всё, что вновь повторил пленный, сказал, обращаясь не столько к возмутителю спокойствия, сколько к остальной массе пленных:

– Вы, господин грамотей, кричите о праве пленных на что? Хорошо кушать и не работать? Но если вы знаете, что существует Гаагская конвенция, то должны знать, что СССР не подписал её, следовательно, у вас нет никакого права апеллировать к её положениям. Ваши еврейские

правители и ваш Сталин оставили вас без защиты. Вы для них – никто. Вы знаете, что в своей стране считаетесь предателями? И должны быть благодарны фюреру, что у вас есть работа и пища.

– Вот придут наши, они вам покажут! – не унимался пленный.

Гауптман проявил удивительное спокойствие. Сказал вполне благодушно:

– Ваши уже никогда не придут. Сегодня войска фюрера возьмут Киев, завтра – Ленинград, бомбы уже падают на Ленинград, а там очередь за Москвой.

– Наполеон побывал в Москве, и что стало потом?!

– С Наполеоном Россия воевала два года и не одна, а наша доблестная армия разбила французов за сорок дней.

Гауптман сделал знак повару, подзывая его к себе. Тот подошёл, вытянулся по стойке смирно.

– Ты заслуживаешь, чтобы тебя повесили, – продолжил свою речь эсэсовец, глядя в упор на красноармейца, – но я велю накормить тебя из котла, в котором готовят для тех, кто согласился служить Германии.

И повару:

– Слышал? Выполняй!

На очередном построении незнакомый немецкий офицер с помощью подручных отобрал большую партию пленных, их построили и увели под конвоем из лагеря. Куда?

Однако это обстоятельство оказалось благоприятным для Ивана и его товарищей. На освободившиеся места ушли Семён и те пленные, что прибыли с ним, подальше от сортира. Ночью удалось наконец продолжить копать подземный ход.

Далеко за полночь они были, по расчётам, где-то в районе выхода за колючую проволоку. Лунный серп опустился почти до горизонта; то появляясь, то ныряя в небольшие облака, он на короткое время освещал окрестности, затем погружал их во тьму. И тут случилось непредвиденное: у сортира появился их бывший взводный – старший сержант Путник. Он сказал без обиняков сидевшему над очком Воронову:

– Ну-ка, помоги мне спуститься в ваше подземелье.

Воронов опешил. Надёрнув галифе, помог поднять щит и показал, где ступеньки. Ослушаться своего командира ему и в голову не пришло. Только понять не мог: «Как он узнал?!»

Тут как раз из лаза показался, вперёд спиной, Иван, выносивший очередную порцию земли.

– Тихо, – предупредил его шёпотом старший сержант, – свой.

Иван повернулся, аккуратно высыпал землю под ноги неожиданному свидетелю, выпрямился и... узнал своего командира. Ни слова не говоря, полез обратно, Путник – за ним. Тут, под землёй, они могли разговаривать, не опасаясь, что привлекут внимание часовых на вышке.

– Так я и думал, – сказал негромко комвзвода, – гоните прямо, а надо немного взять вправо, а то наткнётесь на стену погреба. Сбрыкаешь лопатой по брёвнам, тут всем и крышка.

– Ага. – Иван сразу понял, почему старший сержант предположил, что впереди может оказаться стенка погреба. – Я ещё думал: что там за возвышение небольшое? А не допёр. Что тут когда-то было жильё, я сообразил сразу, когда увидел крапиву, лебеду и лопухи. А ты как узнал, что мы тут?

– Просто: увидел, что вы слишком дружно и рано начинаете бегать в туалет. Вот и понял: неспроста. Ну и проследил потом.

Иван присыпал лопату и вещмешок землёй, и они выбрались с помощью Воронова на поверхность. Приближался рассвет.

Вечером у кухни Иван сумел переговорить с Бартевым.

– Что там за сабантуй устроили фрицы сегодня? Знаешь?

Михаил был в домике гауптмана, докладывал – ничего существенного, а затем мыл полы и чистил ковры, когда там появился очередной гость эсэсовца. Оказалось – знакомый Пауля Кляйна ещё по университету, до отправки его со шпионской миссией в СССР. Майор медицинской службы привёз в подарок другу ящик французского вина и... небольшую группу девушек-невольниц с оккупированной территории. Девушек на время разместили в отдельной палатке, а старые товарищи устроили дегустацию вина и, не смущаясь присутствием в домике «русского немца», обсуждали деликатную тему.

– Наши фрау едут обслуживать бойцов на фронте, а к нам в лагерь лишь третий сорт, – пожаловался гауптман.

– Как? – удивился майор. – Ты недоволен славянками? Уж тебе ли не знать, каковы русские барышни?

– Я тут как евнух – боюсь заразы. Но, надеюсь, ты проверил этих, что привёз с собой? Мне понравилась беленькая малышка, могу не опасаться?

– Пауль! Я думал, что ты Россию знаешь лучше меня! Мы обследовали немало русских деревень на предмет здоровья населения. Ты, вероятно, знаешь, что мы отбираем детей для отправки в рейх с целью улучшения будущих ариев. Набираем молодых людей для работы на наших заводах, для работы в деревнях. Отправляем, естественно, только здоровых. И я столкнулся с поразительным фактом, который изложил в докладе самому фюреру! У русских детей в деревне, у всех детей, целые зубы! Нет кариеса! Как это возможно? А все незамужние девушки – девственницы! Невероятно! Так что отправь команду в любую деревню, привези незамужних и пользуйся без опаски!

– Ну, я в деревне почти не жил, – сказал Кляйн, – знаю, что у русских принято ворота дёгтем мазать – у той девушки, что даёт до замужества, но чтобы так...

О том, что была у него в Воронеже знакомая, почти жена, как она думала, ничего не сказал товарищу. Кляйн считал её глупой, да к тому же дурнушкой, заезжал редко, когда бывал в городе по делам.

Паулю вдруг открылось то, что он должен был понять давно: его неудачи на любовном фронте были не только от его неказистого роста и непривлекательной внешности, но и от вбитой в головы русских женщин и девушек морали: не грешить.

– Как Париж?

– О-о, Париж! – Майор поднял руки, словно держал нечто восхитительное перед собой. – Какой город, какие женщины! Французы – культурная нация, они понимают, что проиграли войну и что надо уважать победителей.

Выпили за культурную нацию и за благословенный Париж.

– Что делает здесь этот русский? – удивился майор, увидев выходящего со свёрнутым ковром из соседней комнаты Бартева.

– Немец из России, – отмахнулся Кляйн, – готовлю свои кадры. После Советов будет ещё Индия.

– О-о! – понимающе посмотрел вслед Михаилу майор. – Да у тебя, Пауль, амбиции. А что? Наполеон был невелик ростом...

– «Благородный волк» тоже не богатырь, а велик!

– О да! Адольф – это символично! Выпьем за фюрера! Хайль!

Приятели были уже изрядно навеселе. А потом в домик к гауптману привели двух невольниц, одна из них, лет шестнадцати, была та самая беленькая малышка, которая понравилась Кляйну.

Это в двух словах сообщил Михаил Ивану. И вдруг добавил шёпотом:

– Уходите скорей! Меня гауптман заставляет докладывать ему обо всём, что творится в лагере.

– Ты ещё не сдал нас?

– Нет.

Очередной дождь превратил вытоптанное тысячами ног лагерное поле в земляное месиво. Спать пленные вынуждены были в грязи. Ещё после первого дождя многие простудились, кашляли и температурили, несколько человек получили воспаление лёгких и скончались, не получив необходимых лекарств. Теперь больных прибавилось, за ограждением лагеря, буквально в двадцати шагах, появилось кладбище, небольшие отдельные холмики земли первых покойников, как дань мирной жизни, отошли в прошлое. По приказу гауптмана пленные вырыли длинную глубокую траншею, в которую и сбрасывали очередной труп, слегка присыпали его землёй – вот и вся похоронная процедура.

Ход под землёй, как и посоветовал Путник, который и сам теперь принимал участие в подкопе, повернули вправо, высоту прохода убавили, чтобы не провалилась ненароком земля под ногами немцев, следующих по тропе на вышку и обратно. Ещё две ночи с большими предосторожностями пробивали нору, продвинулись за тропу, протоптанную часовыми, метров на семь, где начинался кустарник; можно было делать выход на поверхность. Но работа в лесу днём и ночные вахты так вымотали всех, что старший сержант, теперь к нему перешла роль руководителя вместо Ивана, сказал, что перед побегом надо немного отдохнуть, дня два-три. Нехотя согласились все, хотя боялись, как бы задержка не обошлась боком – в очередной раз в лагере заезжие немцы набрали группу пленных и увели.

Иван не мог заснуть, хотя был измучен не меньше остальных товарищей, которые храпели, несмотря на сырость и прохладу ночи. Он поднялся, подошёл к Путнику. Тот уже тоже спал, но чутко и мгновенно проснулся.

– Ты чего?

– Слушай, старшой, надо уходить сейчас. Мишка под каблуком у Шибздика, сказал мне, что тот заставляет его докладывать обо всём, что делается в лагере.

– Сдаст?!

– Ну, не сдаст, а проговориться может. Тот, сволочь, очень догадливый, вдруг заподозрит что и расколется Бартева. Мне кажется, что Миша жидковат: если нажмут, не выдержит.

– Когда сказал?

– На раздаче. Просил уходить скорее.

– Так. – Путник поднялся. – У меня была мысль сообщить как можно большему числу наших, что можно уйти. Но, похоже, нашёлся бы тот, кто предал бы. Ты прав. Потихоньку буди остальных, и по одному...

В подземный ход перебрались незамеченными. Иван остался сидеть на очке, чтобы отслеживать смену часовых на вышке. Старший сержант сделал лопаткой выход на поверхность примерно за полчаса. Но выждали некоторое время, пока прошла первая смена часовых. Вылезли поочерёдно за Путником, Иван замыкал шестёрку беглецов. С большими предосторожностями отползли от лагеря метров на полсотни и готовы были уже подняться и в нетерпении бежать подальше от места заключения, когда из-за облаков выкатилась почти полная луна и осветила все открытые места. Путник предупреждающе поднял кулак и пополз дальше, выбирая затенённые участки леса. Когда стало ясно, что удалось выбраться не замеченными часовыми, старший сержант поднялся, дождался, когда все сгрудятся возле него, сказал негромко:

– За мной шаг в шаг, чтобы не наступить на сучок, не нашуметь – ночью далеко слышно, собаки... А луна нам теперь в помощь.

И направился в сторону лесосеки, теперь уже выбирая светлые места меж деревьев. Надеялся, что утром выведут на просеку лесорубов и они затопчут всё, собаки на время потеряют след.

Старший сержант шёл, всё ускоряясь, не оглядываясь, зная, что его товарищи способны выдержать высокий темп.

Когда строили укрепления по границе, то после работы возвращались в расположение полка бегом. Все десять километров. Так распорядился командир роты Бодров. Он сам бежал впереди, легко, словно его несло ветром, а за ним, тяжело топая ботинками, рота. Первую неделю бойцы роптали, некоторые отставали и даже падали в изнеможении, ругая втихую командира. Но он не отступал от заведённого правила, заставлял тех, кто выносливее, помогать слабым и вскоре добился, что вся рота являлась к ужину полным составом.

Несмотря на тяжёлую работу в лагере и плохую пищу, Иван и его товарищи всё ещё сохранили запас наработанной за три месяца выносливости, попевали за Путником. Часа через полтора старший сержант, выйдя на поляну, ярко освещённую луной, остановился. Остановились и бойцы, взмыленные гонкой.

– Перекур, – объявил Путник, – и военный совет.

Сели на землю. Курящих среди беглецов не было.

Дзгоев снял правый ботинок и вытащил из него стельку. Все с удивлением посмотрели на него. Вслед за стелькой Дзгоев вытащил из ботинка... нож! Нож был без рукояти, лезвие, сточенное на клин, – такими пользуются сапожники при работе с обувью.

– Хм! – Путник удивился. – А я-то всегда думал, что у тебя за походка такая, будто с ногой что. И зачем? Ведь ты ещё до немцев нож спрятал?

– Папа научила, – сказал боец.

– Не научила, а научил, пора бы запомнить, – поправил его Воронов.

– Папа делает туфля. Всякий ботинок. Дарил мне ножик. – Дзгоев потрогал пальцем лезвие. – Надо был резать охранник. Шибздик резать.

– Да, не мешало бы пустить ему кровавую юшку, – поддержал Дубов.

Дзгоев стащил с плеча свой вещмешок, развязал его и с хитрой улыбкой вытащил из него... банку! Лунный свет отразился на металле.

– Тушёнка? – ахнул Василь.

– Не может быть!

– Где взял?

Дзгоев ножом вспорол банку:

– Охранника брал.

– Как это? Тебе немец дал тушёнку?!

– Я сама брал. Он кушал, я крался и брал. Он на другой немца думал. Камандыр, давай всём. – Дзгоев протянул банку Путнику.

– Сухариков-то накопили? – спросил старший сержант.

Он извлёк из-за голенища сапога ложку и, зачерпывая мясо равными долями, раздал пищу в ладони товарищам. Они достали из своих тощих вещмешков по сухарику немецкого эрзац-хлеба, сэкономленного в минувшие дни, и захрустели, смакуя неожиданный мясной дар.

– Ну-ка, Виссарион, дай ножик, – сказал старший сержант.

Дзгоев протянул старшему свой нож. Тот быстрым движением, глядя себе на грудь, отпорол с гимнастёрки лагерный номер.

– О-о! – восторженно выдохнули беглецы. – Давай нам!

Несколько минут спустя с неистовым наслаждением тряпицы с номерами были втоптаны в землю каблуками ботинок.

– Ну что, друзья, – сказал Путник, – надо посоветоваться, как быть дальше. Мне кажется, надо разбежаться в разные стороны, чтобы хоть кому-то удалось уйти от погони.

Бойцы уставились на старшего сержанта в недоумении. Им казалось, что теперь, когда они углубились далеко в лес, их днём с огнём не найдут. Погоня? Командир думает, что надо бежать каждому в свою сторону?!

– Было бы оружие, – продолжал рассуждать Путник, – организовали бы небольшой отряд, отбились бы от преследователей...

- Я пойду на восток, – сказал Иван, – а там будь что будет.
 - Я с Иваном, – буркнул Василь, – мы с одной деревни.
 - Я с Ваня ходыт, – подтвердил Дзагоев.
 - Вместе. Погибать, так с товарищами, – поддержал их Дубов.
- Воронов ничего не сказал, только кивнул головой.

Путник поднял взгляд к небу: луна скатилась ниже верхушек деревьев, а на востоке, куда стремились бойцы, небо уже слегка порозовело.

- Ладно, – сказал он, поднимаясь, – будь по-вашему.

И зашагал в сторону алеющего неба. Вскоре под ногами у них оказалась заросшая травой извилистая лесная дорога. Она шла к северо-востоку, немного на подъём. Путник свернул на неё. Примерно через час, когда солнце высветилось в полную силу, лесная дорога вышла к довольно хорошей грунтовой, идущей с запада на восток.

- Стой! – Путник поднял руку. – Ложись! Не высовываться и глядеть в оба!

Бойцы выполнили команду, залегли у края дороги под прикрытием высокой травы и кустов.

И спустя некоторое время Василь выдохнул:

- Есть!

- Где?

– Бачь: ось там, на перегибе, фриц с биноклем за кустами. Сверкает. И шось чернеет, вроде как мотоцикл.

– Так я и думал, – сказал старший сержант, – что дорогу могут взять под наблюдение. Но быстро же они, сволочи, обнаружили побег. Отходим назад.

Отползли, поднялись, пригибаясь, прячась за деревьями, двинулись вдоль дороги по склону вниз. Опять на восток. В ложбине ручей. Жадно пили холодную воду, где-то неподалёку, очевидно, был родник.

- Ладно, – сказал, остановившись, Путник, – надо подумать.

– Я предлагаю пойти по ручью, – сказал Иван, – возможно, попадём в болото. Там, если с собаками будут искать, собаки след потеряют.

Бойцы посмотрели на старшего сержанта: что он скажет?

– Выбор у нас небогатый, – сказал старший сержант, – возле дороги нас быстро обнаружат, особенно если деревня какая-нибудь недалеко. Будем уходить в лес. Ну, в болото, – согласно кивнул Ивану.

Ручеёк то исчезал в траве, то вновь обнаруживал себя, уже более широким и с небольшими берегами. И точно: привёл в ложбину, в которой кочкарник с обильной осокой означал высохшее за лето болото. Кое-где между кочек была затхлая вода. Прошлись по ней, перебрались на другой склон, и тут, в густом кустарнике, было решено сделать привал. Двигаться днём казалось опасным.

– Будем дежурить по очереди, – распорядился Путник, – спите, я первый, Яценко – второй, потом – Дубов.

Выспались и хорошо бы отдохнули, если бы не голод. По сухарику с водичкой, конечно, было у каждого, но что это за подпитка для молодых здоровых парней?

Солнце клонилось к западу, готовились уже потихоньку двинуться дальше, как вдруг издали донёсся стрёкот сороки. А затем едва слышимый лай собак, показалось, что с той стороны, куда беглецы собирались идти.

– Вот, – сказал с горечью Путник, – этого я и боялся. Давайте назад, врассыпную, и пусть каждому повезёт.

Бойцы замешкались, и тогда старший сержант приказал жёстко:

- Выполнять команду!

- А ты, старшой? – спросил, двинувшись было, Иван.

– Быстро, быстро! Уходи дальше!

Остальные уже скрылись за деревьями.

– Храни тебя Бог! – вдруг вырвалось у Ивана. Так иногда говорила его мать.

Он повернулся и бегом побежал в сторону болота, надеясь, что там хоть как-то уничтожатся его следы, а густая трава осока укроет его, если ему не удастся уйти дальше. Откуда ему было знать, что вода сохраняет запахи ничуть не хуже, чем почва...

Он был уже на открытом пространстве, близ кочек, когда увидел в полсотне шагов от себя, слева, Дзгоева. А с той стороны, где была дорога, вдруг на них ринулись две овчарки, и ещё две, следом за ними спешили автоматчики. Бежать поздно. От первой овчарки Иван почти увернулся, когда она с ходу прыгнула на него. Но вторая в этот момент ударила грудью ему в спину, вцепилась зубами в заплечный мешок. Мелькнула нелепая обида: «Убьют, зря не съел последний сухарь». Понимая, что собаки порвут его, если он будет на ногах, Иван рванулся в сторону и упал между кочек, закрыв локтем горло, а пах прижал к кочке. Подоспевший немец ударил его ногой в бедро, следующий удар норовил нанести в лицо. Иван увидел перед собой ботинок, в подошву которого была вшита стальная пластина. Она немного выступала вперёд от носка. Такие ботинки он видел у некоторых охранников, когда работал на просеке. Сперва не понимал, для чего такая обувь, а потом дошло: в рукопашном бою ударом по голени можно было сломать ногу противнику. И вот теперь это холодное оружие нацелено ему в голову. От первого удара он сумел заслониться рукой, но в это время другой фашист, подоспевший на помощь, ударил его в затылок. Иван потерял сознание и не чувствовал уже, как его били ногами по всему телу и как рвали его бока, спину и бёдра собаки.

Дзгоев прыгнувшую к его горлу овчарку встретил достойно: выставил левую руку, в которую она вцепилась мощными челюстями, а правой, в которой был его сапожный нож, молниеносным движением чиркнул собаке по горлу. Челюсти разжались не сразу. Набежавший со второй собакой фашист, увидев, что русский вооружён, поднял автомат и ударил очередью по ногам Дзгоева. Но тот уже успел сделать замах и метнул нож. Целил в горло, но очередь по его ногам пришлась мгновением раньше, и лезвие воткнулось немцу не в горло, а ниже и правее, под ключицу. Падая, Дзгоев увидел, как от изумления и боли исказилось лицо немца. Дальше – тьма.

Очнулся Иван лишь в кузове грузовика. Все беглецы, грязные, в изорванной кровавой одежде, лежали тут же. Не было только старшего сержанта. В лагере их выбросили из машины на землю так, словно это были мешки, – напоказ остальным пленным и в назидание.

– Ну, – сказал гауптман, – докладывай.

Михаил переступил с ноги на ногу:

– Честное слово: я ничего не знал!

– Твои друзья роют проход, а ты ничего не знал? «Честное слово!» А? К нам прибыли хорошие специалисты по развязыванию языков. Они объяснят тебе, что такое честь немца. А потом я прикажу повесить тебя вместе с беглецами. Ты понял?

– Я... я... понял. Но они мне не доверяли никогда. Я не знаю почему. Даже когда в полку... до плена. Клянусь вам!

Бартев уже сам верил в то, что говорил, – так хотелось ему жить. Жить, жить!

– Ладно, – решил гауптман, – даю тебе ещё время на размышление. Пшёл вон!

Испуг пленного, истовость его раскаяния и вера в свою непричастность к побегу пленников несколько поколебали убеждение эсэсовца. Или же он решил использовать Бартева в своих, пока неясных пленнику, целях – Михаил этого не понял, но небольшую отсрочку от жестокого наказания он получил. На трясущихся ногах, всё ещё прихрамывая, явился на кухню.

Пауль Кляйн не стал вершить суд и наказание, глядя на ночь, отложил дело до утра.

Избитые до полусмерти Иван, Василь, Влас и Фёдор лежали некоторое время там, где их сбросили с машины, вблизи от ворот лагеря. Потом, помогая друг другу, перебрались на

своё место, где провели все предыдущие дни плена. Дзгоев остался лежать на том же месте, он был без сознания.

Старшего сержанта не было ни живого, ни мёртвого, и, судя по тому, что несколько мотоциклистов с собаками в люльках вновь отправились на поиски, ему удалось уйти. Пока.

Голова у Ивана кружилась, затылок, куда пришёлся удар кованым носком фашистского ботинка, разламывался от боли, искусанные собаками бока и ноги страдали не меньше. Он повалился на землю и так, в полузабытьи, пребывал до утра.

Утром лагерников построили, и они могли видеть поставленную за ночь у ворот виселицу. В нижней части перекладины были ввинчены четыре крюка.

Беглецы в строй не встали, не могли. Дзгоева Иван увидел рядом с собой. Это доктору разрешили ночью убрать полутруп подальше от ворот. Дзгоев пришёл в сознание и, увидев товарищей по несчастью, вдруг улыбнулся и сказал с придыханием:

– Ваню, будёш живой, сходы на Кавказ... скажи всём, что Висарион адэн нэмца... чуть нэ зарэзал.

Придерживая рукой полыхающий жаром затылок, Иван посмотрел туда, где стояла виселица. Четыре крюка – это, очевидно, для них, для четверых, которых можно поставить под петли. Но ничего Дзгоеву не сказал, согласно прикрыл глаза, слегка склонив голову, – пообещал выполнить наказ.

Утром казнь почему-то не состоялась. Как обычно, после подъёма, туалета и завтрака пленных распределили на работы. Кроме заготовки брёвен в лесу и в лагере было полно дел: строили бараки для заключённых; а небольшой барак для больных и медперсонала уже был наполнен ранеными и больными. Кроме Петра Николаевича, полкового доктора, и трёх медбратьев, в этот барак, в отведённый специально отсек, являлись в сопровождении охранников и немецкие «доктора». К ним в «кабинет» поочерёдно заносили раненых. Что с ними делали немецкие «лекари», узнать было невозможно. Из «кабинета» потом раненых выносили и увозили в неизвестном направлении.

Все пятеро беглецов оставались на поле, где ночевали, и это было странно.

Между тем под виселицей соорудили небольшой помост, три ступеньки лестницы вели на его площадку. Ещё некоторое время спустя на помосте появился высокий табурет. Кто-то по приказу сделал его за ночь. Но только один. «По одному будут вешать?» Иван видел все приготовления издали, иногда пытался приподняться, но сразу же начиналось головокружение, слабость и тошнота.

Вечером, когда вернулись из леса лесорубы и было приказано отставить работы на постройке барачных лагерей, построили фронт к виселице.

К Дзгоеву, который то терял сознание, то приходил в себя, подошли два доктора-немца, осмотрели его, довольно бесцеремонно ворочая, берясь и за простреленную левую руку, потом сделали укол в правую – приговорённый не должен был умереть раньше казни – и ушли. Висарион почувствовал себя лучше и уже не отключался.

И тут Иван увидел нечто невероятное: к Дзгоеву подошли бывшие красноармейцы, прислуживавшие до этого немцам, с белыми повязками на руках гимнастёрок. Один только был в немецкой чёрной форме. Им оказался... Миша Бартев!

Полчаса назад Бартев вновь предстал перед гауптманом. Тот выглядел вполне добродушным, сказал:

– Ну, пришла пора тебе показать, что ты действительно немец, – и, кивнув на стул, приказал: – Одевайся. Вот твоя новая форма.

Михаил оторопел, но взгляд фашиста стал жёстким, и Михаил начал стаскивать с себя затёртую красноармейскую гимнастёрку, а потом и всё остальное, включая обувь.

Когда он закончил смену одежды, гауптман сказал удовлетворённо, впрочем, не скрывая издёвки:

– Тебе предстоит важная миссия. Будешь помогать... будешь выполнять всё, что прикажет тебе шарфюрер.

Тут только Михаил увидел сидевшего слева от двери немца.

– Его зовут Эрнст, – добавил со смешком гауптман.

При этом Эрнст поднялся со стула, слегка склонив голову. Видя, что Бартев не понял его шутки, гауптман пояснил:

– Эрнст – означает «борец со смертью». Родной язык следует знать лучше, господин Бартель. Шарфюрер – тот самый специалист по развязыванию языков, но сегодня он будет вешать твоего друга, а ты ему поможешь.

Михаил побледнел. На подгибающихся ногах вышел вслед за Эрнстом, «борцом со смертью».

И вот теперь вчерашние красноармейцы, ставшие слугами немцев, перед беглецами. По команде шарфюрера Эрнста они подняли Дзгоева и понесли к виселице, поднялись с ним на помост и остановились в растерянности, не зная, что делать дальше. Перебитые ноги красноармейца никуда не годились. Посадили Дзгоева на табурет. Низко. Принесли ящик, Дзгоева подняли, ящик положили на табурет и вернули приговорённого на место. Порядок.

Рядом с гауптманом появился немец в светло-серой форме. В руках у него лист бумаги. Он посмотрел на Эрнста и его подручных, убедился в их готовности и зачитал приговор. На русском языке, без акцента.

За побег, за порчу германского имущества – убийство собаки, за покушение на жизнь солдата рейха Дзгоев приговаривался к смертной казни через повешение.

Шарфюрер кивнул Бартелю, и тот, дрожа всем телом, приподнявшись на цыпочки, надел Дзгоеву петлю на шею. Шарфюрер кивнул другому предателю, и тот ударом ноги вышиб табурет из-под Виссариона.

Ивана с товарищами, на удивление, не трогали. О них гауптман будто забыл. Вероятно, он считал, что вид избитых беглецов напугает других пленных и заставит их отказаться от попыток к бегству. Лагерники, выходя на построение, затем на работы, смотрели на них с жалостью и сочувствием, но и невидимой волной по сознанию каждого пленного прошла мысль: «Бежать можно!» Уже весь лагерь догадывался, что старшего сержанта каратели так и не нашли.

Дзгоев провисел в петле сутки. Вечером его сняли и по приказу Каспарайтиса перенесли в сортирную яму, бросили к началу подкопа. Там уже были заложены толовые шашки, которые взорвали, похоронив таким образом труп и завалив прорытый ход.

Раны, нанесённые собачьими зубами, заживали плохо, совсем не заживали, начинали гноиться. Пётр Николаевич, полковой доктор, приходил к избитым беглецам, но помочь им практически не мог, у него даже марганцовка кончилась. Не мог он забрать их и в барак для раненых, начальник лагеря не разрешал.

Через трое суток Каспарайтис сказал Ивану:

– Работа ходиль!

Он увидел, что Иван стал подниматься и даже доплёлся до кухни.

Ивана направили к строителям барака. И он вынужден был, преодолевая боль и слабость, подтаскивать доски, подавать гвозди и даже подниматься на леса, рискуя свалиться с них.

Эта попытка кончилась неожиданно. В одно из утренних построений перед строем появилась в эсэсовской форме немка. Галифе, сапоги, португеза с кобурой, в руке ремённый хлыст. Она прошлась по-хозяйски вдоль строя и, отмечая хлыстом пленных, набрала команду человек двадцать.

Иван оказался в этой команде. Их загнали в крытый грузовик, заперли дверь на замок и повезли. Трясло и мотало пленников часа три или четыре – в полутёмном пространстве кузова чувство времени утратилось. В плотно закрытом металлическом кузове спёртый воздух, дышать тяжело, пленники обливались потом. Иван чувствовал себя так, будто его сварили.

Наконец машина остановилась, пленным приказали выйти и построиться. На территории, огороженной высоким забором с колючей проволокой поверху, Иван увидел ряд длинных металлических ангаров, один из которых оказался бараком, в котором им причитались места на нарах. Остальные корпуса были складами для строительных материалов, в основном для пиломатериалов.

И ещё один ангар оказался... баней. Вновь прибывших завели в него и велели раздеться. Одежду пленники побросали в большой чан, который наглухо закрывался тяжёлой чугунной крышкой. К чану от большой бочки, лежащей на боку, на котором были нарисованы череп и кости, протянулись две трубы. Как оказалось, в закрытый с одеждой чан подавался специальный газ, от которого быстро погибали насекомые. Высокий пожилой немец в гражданской одежде открывал небольшим штурвалом трубу, по которой под давлением поступал газ, а через некоторое время смертельная смесь удалялась по другой трубе.

А пленникам была «баня». Один из местных пленных, «парикмахер», машинкой проходил по головам, обнуляя причёски – волосы у всех вновь прибывших за время пребывания в предыдущем лагере уже отросли. Затем в другом конце ангара другой «банщик» поливал из шланга мощной струёй холодной воды, заставляя отошавшие тела ёжиться и вертеться на бетонном полу, пока истязатель не решал, что новичок вполне вымыт и уже не представляет из себя разносчика заразы.

Целыми днями Иван с прибывшими вновь и с теми, кто оказался здесь раньше, сортировал доски или брусья и отправлял их на склад. Иногда работал в складе, размещая материалы на стеллажах.

С каждым днём, несмотря на бескормицу, Иван чувствовал себя всё лучше. Ноющая боль в затылке подутихла, голова не кружилась, слабость отступила.

В этой же команде оказался Семён, с которым когда-то ночью разговаривал Иван. Артиллерист был среднего роста, но широк в кости и даже, несмотря на то что исхудал, всё ещё выглядел крепким и сильным, пленники относились к нему с невольным уважением. Иван и Семён потянулись друг к другу, старались работать в паре, чему не стал мешать и Хаврин, «бугор», назначенный немцами старшой, нечто вроде прораба. «Бугор» был из уголовников, отсидел за кражи два срока в довоенные времена. Был он сумрачен, груб, но в меру – трудно было понять, служит он немцам по доброй воле или по принуждению.

Очередная партия пленных, привезённых на склады, была из госпиталя, захваченного немцами в одном из городов. Все – инвалиды. Их после ранения успели подлечить, а вот эвакуировать госпиталь в тыл не смогли. Немцы взяли раненых в плен и тех, кто держался на ногах, отправили работать на рейх. У кого-то не было кисти, у другого торчала култышка. У Петра Михайловича, так назвался во время работы невысокий худенький пленный средних лет, не сгибалась левая рука, простреленная в локте.

Раненые подходили парами к штабелю, здоровые пленники подавали на плечи инвалидам доски, и те переносили поклажу в склад. Там с них снимали доски и подавали на стеллаж. Переносили они иногда и привезённые металлические балки. Напарником у Петра Михайловича был, как правило, однорукий лётчик Звягин, штурмовик которого был сбит, когда самолёт шёл на цель в пике.

Работая на стеллажах, сверху, Семён кивком показал Ивану на лист крыши, который не был сварен с остальными, а привинчен болтиками – возможно, в этом месте когда-то проходила труба или какое-то иное приспособление. Иван и сам уже обратил внимание на этот лист, но пока не мог представить, что они получают, если проделают выход на крышу, высокую и весьма покатую к тому же. Они могли, например, задержаться после окончания работ, что мог обнаружить только «бугор» да раздатчики пищи на кухне. Охраны возле склада не было, немцы располагались у ворот и на вышках, да ещё в домике, где отдыхала смена. «Бугор» может и не обратить внимание, что двоих подчинённых не оказалось в какой-то момент на нарах, и на

кухне отсутствие пленников возле раздачи не беспокоит: это случалось нередко, когда изнурённый работой и бескормицей пленник уже не мог добраться до ужина. Но оказаться на время без присмотра можно, а дальше что? Забор высокий, колючая проволока сверху, и охрана не дремлет.

Однажды, когда Иван с Семёном работали у ворот, разгружая очередную машину с досками, случай вдруг улыбнулся им. Рядом с их лесовозом остановился грузовик, готовясь на выезд за пределы лагеря, в этом грузовике к одному из складов привозили металлические балки. Их выгрузили, и машина приготовилась на выезд. Охранник у ворот подошёл к этой машине, заглянул, подтянувшись, в кузов, убедился, что в кузове никого нет, и пошёл открывать ворота. А водитель в это время подтащил кусок брезента, перевалил его через борт и вернулся в кабину. Иван и Семён на короткое время оказались вне поля зрения и водителя, и охранника. Водитель их лесовоза был в это время в домике для охраны. Не сговариваясь, быстро они кинулись к грузовику и перемахнули – откуда силы взялись? – через задний борт. Прикрылись брошенным туда брезентом. Мгновением позже машина тронулась и, набирая ход, вывезла пленников за территорию лагеря.

Осторожно, прикрываясь брезентом, Семён продвинулся ближе к кабине, чтобы увидеть через заднее стекло кабины шофёра и заодно дорогу, по которой они ехали. Была у него мысль: нельзя ли завладеть машиной вместе с шофёром на время? Заставить его везти беглецов в безопасное место. Но... Показал Ивану два пальца: оказалось, что в кабине был ещё и сопровождавший водителя немец с автоматом.

Автомобиль между тем миновал посёлок, через который проходило шоссе, затем, через десяток километров, небольшую деревеньку, поле и наконец свернул на просёлочную дорогу между двумя берёзовыми перелесками. Переглянувшись, Иван с Семёном перебрались к заднему борту и, улучив момент, когда шофёр притормозил на ухабах, выпрыгнули на дорогу и нырнули под сень деревьев.

Решили не останавливаться и, пока удача явно на их стороне, двигаться дальше, дальше от своего лагеря. Плохо было то, что они не знали, на чьей земле они находятся: если на советской, то где?

Оглядевшись, перебежали открытые пространства, прятались в очередной лесок. Тянуло, как магнитом, на восток. Путь лежал под уклон, неожиданно лёгкий склон закончился крутым, почти обрывом, впереди просматривалась река. Цепляясь за кусты, спустились к воде. Черпая ладонями воду, пили жадно, озираясь по сторонам. Речка была неглубокой, но переходить её не решились: на противоположном пологом берегу виднелись следы – судя по ископченному участку неподалёку, следы домашних животных, пригоняемых на водопой. Где-то рядом была деревня.

Вдоль берега, хоронясь, ушли подальше от опасного места. Затаились под ивой, свесившей свои ветви над водой.

– Ну что? – спросил Семён. – Что будем делать дальше? Ты уже опытный беглец.

Товарищ, довольный тем, как складывался побег, немного иронизировал. Иван молчал, опустил руку в воду – в прозрачной воде от кисти его словно брызнули от берега мальки, – взял из воды окатанный волнами камень. Подбросил на ладони, сказал:

– Вот наше оружие. А след-то собаки не возьмут – нету следов!

И оба захохотали, негромко, но безудержно, до слёз.

– Догадаются, пожалуй, что мы на машине выехали, – отсмеявшись, сказал Семён.

– Может быть. Но километров двадцать от машины мы уже сделали, а им надо ещё найти то место, где мы спрыгнули. Пусть поищут.

– Неплохо бы ещё на чём-нибудь прокатиться, – мечтательно сказал Семён, – вот тогда уж точно не найдут. Кстати, собак у них здесь всего-ничего было. Нет, не найдут! Искушаем?

Ивана самого тянуло окунуться в прохладные струи. Мальки вновь собрались стайкой, приблизились к берегу, солнце взблёскивало всякий раз на их серебристых боках, когда мальки делали движение, и это мерцание завораживало и вызывало в груди грусть и томление, одновременно воспоминание о детстве и тревогу в настоящем.

– По очереди, с оглядкой, – сказал он, – только мелко тут.

– А вот же за кустом ямка!

– Да, полезай ты, а я пока покараулю. – Иван выбрался из-под ивы, устроился в траве так, чтобы можно было видеть и свой берег, и противоположный.

Семён вымылся, стащил с берега в воду кальсоны, постирал, натирая песком, выстирал и портянки.

Потом они сменились. Раздевшись, Иван вошёл в воду по колено, посмотрел на себя раздетого: грудь – стиральная доска, рёбра были видны, можно считать их. На ногах и руках тёмные пятна, на тех местах, где зажило, но ещё не полностью восстановилось избитое тело.

Вспомнил Василя. Когда-то ходили с ним вместе на реку, рыбачили, купались, девчонок учили плавать. А теперь что с ним? Жив ли? У него сломаны рёбра и левая рука – немцы прыгали ему на грудь, когда собаки догнали и свалили Василя.

Ямка оказалась более глубокой, чем виделось с берега, хороший омут – Ивану по грудь. Иван тоже постирал исподнее и портянки, а потом стал плавать на этом крохотном пятачке омута. Какое блаженство окунуться с головой, вынырнуть, лечь на воду, раскинув руки, видеть над собой голубое небо с лёгкими облаками! Но далеко родная сторона, которая могла бы защитить, а здесь, наверное, хоть и своя земля, советская, да враг топчется по ней.

Лежали на траве, борясь с дремотой, пока не подсохли портки. Пора уходить. Семён тоже думает о том же:

– Так что? Идём дальше или здесь дождёмся ночи?

– Надо осмотреться, – ответил Иван, выбираясь на берег.

Они нашли место, где можно было перейти реку, не опасаясь попасться на глаза свидетелям, поднялись по склону, вошли в лес. Здесь лес был гуще и разнообразнее: сосны, в низинах ели, кое-где осинник и березняк, местами высокий папоротник скрывал их почти с головой – чувствовалась отдалённость от жилья. На одной из полян Семён приостановился:

– Ваня, а что, если грибов поест? Смотри: вот белый, а там сыроежки.

Иван оглянулся:

– Да, был бы котелок и спички, можно было бы сварить, хоть и без соли.

Семён сорвал белый гриб, отломил от шляпки небольшой кусочек, взял в рот, прожевал – сморщил нос. Потом попробовал сыроежку:

– Вроде съедобная.

Но Иван есть грибы не стал:

– Я в детстве уже пробовал сыроежки – мутит.

Двинулись дальше, но через некоторое время Семён сказал, остановясь:

– Погоди. Кажется, меня вырвет. Вот с хлебом бы они...

И не договорил, сотрясаемый судорогой. Перевёл наконец дух:

– Ладно, пошли...

Шли, с небольшими перерывами на отдых, до сумерек, потом и в темноте, рискуя наткнуться лицом на острые ветки или свалиться с обрыва. Снова река, опять неказистая, журчала по камням. Решили здесь провести остаток ночи. Донимали комары. Иван натянул на голову гимнастёрку, укутал лицо, но тогда кровопийцы накинудись на тело: исподняя рубашка почти не защищала бока. Однако усталость взяла своё: скоро захрапели оба. Но с рассветом, пробудившись, не могли без смеха смотреть друг на друга. Щёки от комариных укусов вздулись, с той стороны, где насекомые всё же добрались до кожи, их перекосило, под глазами вспухло, губы – варениками, не лица, а пародии на неизвестных животных.

– Ну и харя! Ты кривой! – смеялся Семён.

– А ты косой, – не оставался в долгу Иван.

Холодная вода несколько остудила жжение, зато голод зверем накинулся на желудки.

Оказалось – вовремя остановились. Утром, едва прошли несколько сот метров, открылось поле, за которым вдали виднелась деревня.

– Посмотрим, что за поле, – сказал Семён, – жрать хочется, спасу нет!

– Подожди, осмотримся, тут люди могут быть, – сказал Иван, – а то и немцы.

– В такую рань?

Нашли место, где лес вплотную подходил к посевам. На поле созревала рожь. Срывали колосья, шелушили и ели зёрна, испытывая огромное наслаждение не только от еды, а и от воспоминаний детства, когда так же вот, гуляя свободно, можно было, проголодавшись, выйти на колхозное поле и подкрепиться – то ли пшеницей, то ли капустой или огурцами. Набрали зерна в карманы, пошли в обход и поля, и деревни.

– А у нас ещё конопля по краям полей росла, – вспомнил Иван, – нашелушишь горсть зёрен – и такая вкуснота!

– Ну, – согласился Семён, – масло же в них. У нас даже давили масло из конопли – такая благодать с картошкой...

Вдруг Иван остановился, поражённый внезапной мыслью, повернулся лицом к полю:

– Сеня, а что будет с полем, с урожаем, а? Кто убирать будет, немцы?! Или наши?

– Поджечь бы его, – вздохнул Семён, – чтобы фашистам не досталось.

– Нет, жалко. Хлеб ведь. Сеяли люди, им надо будет что-то есть зимой. Или фрицы не дадут им?

Постояли в раздумье, будто от их решения зависело, будут ли местные сельчане с хлебом или нет.

Второй день свободы закончился в лесу, где наткнулись на поляну, заросшую чёрной смородиной. Ели ягоду, смеялись, хотя чувство голода от такой пищи не убывало.

– Я со своей девушкой по ягоды ходил, – вздохнул Семён, – жимолость раньше всего поспевала.

Иван засмеялся:

– Я такого названия не слышал. Возле нашей деревни берёза да осина и поля. Огромные поля – нашему колхозу тринадцать тысяч гектар принадлежит... Жимолости нет. Земляника да костяника на полянках в лесу. Ну, возле речки боярка поспевает, рябина. Шиповник тож. А синих этих нет.

– Жениться хотел, – раздумчиво продолжил Семён, – хотя некоторые мои друзья говорили, что рано. «Успеешь хомут на шею надеть». А вот и не успел. Жалко. Мог бы ребёночка сделать. Осталось бы на земле продолжение моё, если меня убьют.

– А сколько тебе лет?

– Дак это – девятнадцать исполнилось как раз перед войной, двадцатого числа.

– Всего лишь? Я думал, ты старше...

И была ещё ночь, и был рассвет. Какая-то пичуга посвистывала, приветствуя пробуждение беглецов.

– Ишь ты, – сказал Иван, вслушиваясь в пение птицы, – будто и войны нет. А у нас летом жаворонки, особенно в жаркий день. Поднимется он над полем, трепещет крыльями, стоит на одном месте, только вроде качает его чуть вверх, чуть вниз, и льёт оттуда, кажется – из-под солнца, свои трели. И долго-долго так. А когда упадёт вниз, в пшеницу, то уже другой трепещетверху и поёт...

Шли на восток, но чувствовалось, что линия фронта где-то очень далеко.

В одном месте, на выходе из леса, продрались через заросли кустарника и вдруг наткнулись на стенку сарая. Выглянув из-за угла, Иван увидел широкую распахнутую дощатую дверь

этого строения, очевидно сеновала, дальше, шагов за двадцать, плетень с неказистой калиткой во двор и задняя стена дома, ещё дальше – крыльцо, закрытое с трёх сторон. Дверь в дом и ступеньки, обращённые в сторону улицы, отсюда были не видны.

Семён тоже выглянул, сказал негромко:

– В сарахе, может быть, найдётся что-нибудь из жратвы, а?

– Разве с огорода что, – отозвался Иван, – рискнём.

В три прыжка к двери – и в сарай. Здесь действительно было сено, пахло скошенными травами, и они едва не задохнулись духмяным запахом. Стали осматриваться в полусумраке, но в этот момент слышались шаги и кашель. Шёл мужчина, несомненно, в сарай. Парни отшагнули от двери в разные стороны, затаились.

В проём шагнул хозяин и остановился, сразу почувствовав неладное:

– Матка боска!

– Тихо! Тихо! – разом предупредили его негромким шёпотом товарищи.

– Да, да, тихо, – отозвался мужчина, – молчу.

Было ему, судя по фигуре и по лицу, за пятьдесят.

– Отец, скажи: в доме у тебя немцы есть?

– Не, пане, не.

– А в деревне?

– Не, не.

Иван и Семён приблизились на шаг. Всматриваясь в лицо хозяина внимательно, Иван старался понять, что за человек перед ними, можно ли ему довериться, но ничего не понял, кроме того, что они напугали его до смерти.

– Поесть что-нибудь найдётся? – спросил Семён.

– О да, пане, кушать. Можно? – Мужчина сделал движение к выходу.

– Идите, – вежливо сказал Семён, – но никому!

– Да, пане, да.

Друзья проследили, как хозяин спешно прошёл во двор и скрылся за крыльцом, обувь простучала по ступенькам.

– Идём, – сказал Иван, и они вдоль сарая отступили к кустарнику на случай, если придётся бежать, вдруг крестьянин обманул и приведёт немцев.

Несколько минут спустя во дворе появилась женщина средних лет. В одной руке она несла большую казеиновую тарелку, в другой держала кринку. Она прошла к сеновалу, заглянула в дверь, но не увидела никого, оглянулась. Парни вышли из укрытия.

– Вот, – сказала женщина, – принесла вам картошек, хлеба и немного молока.

Они вошли в сарай. Иван сел на сено так, чтобы можно было видеть калитку во двор. Женщина вздохнула, поставила тарелку ему на колени, кринку опустила на землю рядом.

Кроме картошки на тарелке было два ломтя серого хлеба. Картошка была ещё тёплой. Потерев ладони о галифе, Иван и Семён начали есть, сдерживая себя, чтобы не показаться перед доброй женщиной совсем одичавшими от голода.

– Тут русские? – прожевав первую порцию, спросил Иван женщину.

– Да. Всякие есть: украинцы и белорусы, литовцы. Муж у меня поляк.

– А немцы в деревне есть?

– Заходят, но сёдня, кабыть, нету.

– Обижают?

– Не шибко. Которые смирные. Ну, просят: «Матка, куру, яйки». Другие не спрашивают, берут, чё хотят. Поросятка там али сало из сундука. И в печку могут заглянуть. А чё им скажешь? С ружьями, с этими, с автоматами. Молоко любят. По курам стреляют. За коровёнку боюсь, как бы не увели или на мясо не забили. Вот такие немцы. Наши-то, что служат фрицам, хуже. Платят им мало, вот оне и тащут всё, что ни попадя. Самогонку требуют. Ох, господи.

Иван и Семён поочерёдно брали кринку и запивали картошку и хлеб молоком. Скоро тарелка и кринка опустели.

– Спасибо, мать, – поблагодарили хозяйку. – А что не муж пришёл?

– Дак он это, животом мается. Он туда шёл, – показала в дальний угол – там парни увидели дверь.

– А-а... – понимающе сказал Семён, – в нужник, значит. Ну и шёл бы. Можно, мы у вас здесь заночуем?

– Ой, не надо. Немцев сёдня нет, а полицаи есь. И староста. Вы уходите скорей. Мой поляк – кто его знает. Поляки не любят русских.

– А вы разве не русская?

– Русская. Вдовая я, прибилась вот к нему, он тож вдовый. Ходите скорей.

Иван и Семён поднялись, вышли из сарая, шагнули в сторону кустарника, но навстречу им из-за угла выставились винтовка и ружьё и обладатели оружия. Два полицаи. У старшего в руках была винтовка, младший, возможно сын первого, нацелил на красноармейцев берданку. Сзади за ними маячил поляк.

– Покушали? – спросил ехидно старший полицай. Он, очевидно, знал от поляка, что у бойцов оружия нет. – Ну, руки вверх! И – кругом!

Бежать невозможно, пришлось подчиниться. Повернулись к дому и увидели, что через двор спешит ещё один мужчина, в гимнастёрке, с белой повязкой на руке, с автоматом ППШ. Похоже – бывший красноармеец.

Прошли через двор поляка, сопровождаемые уже тремя конвоирами, пересекли улицу и вошли во двор добротного деревянного дома, крыша которого была под крашеной коричневой жёстью. Остальные деревенские дома были крыты корой или же соломой.

За столом в доме сидел пожилой мужик, бородатый, в жилетке. Увидев вошедших, он почесал в бороде, вздохнул и сделал жест рукой, удаляя лица. Отец и сын вышли, остался владелец автомата.

– Партизаны, значит? – спросил староста.

Иван и Семён переглянулись. О партизанах раньше они почему-то не подумали. Промолчали.

– В расход их, – предложил автоматчик.

Староста, внимательно всматриваясь в арестованных, опять вздохнул:

– Куды им до партизан! Голодранцы. Сбежали? – спросил опять.

И опять не получил ответа.

– Грех на душу брать не хочу, – помолчав, сказал староста, – пусть хрицы сами решают, что с ими делать. В анбар, под замок.

– Пошли! – Полицай ткнул стволом в спину Ивану, недовольный, очевидно, таким решением старшего.

Во дворе ожидали и те двое, что арестовали парней.

– И чё? – спросил молодой.

– А-а, – недовольно отмахнулся автоматчик, – туха наш как всегда: запереть велел.

Но вместо амбара Ивана и Семёна впахнули в дверь, которая вела вниз, в погреб. Заскрежетал замок, и они остались в полутьме, лишь небольшое оконце над входом, с ладонь величиной, освещало узкий ход в подземное помещение. Пахло прелью и всеми теми запахами, что неистребимо поселяются в погребах. Более чем прохладно.

– Тут не испортишься, – заметил Семён.

Несколько пустых мешков они обнаружили на крюке, сняли их, прошли в относительно свободный угол и устроились на полу.

Некоторое время подавленно молчали, потом Семён сказал с горечью:

– Как глупо влипли!

Иван не возразил, придвинулся ближе к товарищу, предложил:

– Давай выспимся, а то ещё когда доведётся.

– Выспимся, – вздохнул Семён, – если фрицы не скоро придут.

Но какой тут сон? Досада спать не даёт и холод. Спина к спине – так теплее, но через какое-то время лежать уже невозможно, бьёт дрожь. Поднялись, впотьмах стали друг против друга, упёрлись ладонь в ладонь и с усилием стали сгибать и разгибать руки – «паровоз». Приседания вместе, потом спина к спине – «качели», и весь комплекс упражнений, которым их научил старшина. Согрелись, легли, но не прошло и получаса, как пришлось повторить всё снова. Так до утра.

Наступило утро, в оконце пробился свет, стало слышно, как во дворе ходят люди, блеяли овцы, мыкнула корова, процокали копыта лошадей. Время шло, в подвал никто не приходил. На улице воздух прогрелся настолько, что у двери можно было сидеть, если и не согреться, то не дрожать. О них будто забыли. И лишь во второй половине дня раздался топот многих ног, загремел замок и в распахнутую дверь сперва хлынул поток света, а потом в проёме обозначилась фигура человека.

– Выходи по одному!

Вдвоём тут и не получится. Иван вышел первым, зажмурился от яркого солнца. Открыл глаза и – пожалуйста, за полициями стояли два немца в армейской форме, смотрели на узников с любопытством. На крыльце дома смотрел в их сторону староста. Без лишних слов Ивану и Семёну связали руки, заведя их за спину, усадили в кузов небольшого грузовика и здесь связали их друг с другом, спина к спине. В таком положении не встанешь и не убежишь. У кабины на скамье расположился один из фрицев, и машина покатила по улице, а затем по дороге, по сторонам которой то лес, то поле.

Через несколько километров снова деревня, в ней остановились возле группы людей. В центре – несколько деревенских парней, лет по шестнадцать или чуть старше, вокруг немцы и полицаи, а дальше – ревущие женщины и дети. Парней заставили залезть в кузов, сесть, и заполненная машина пошла дальше. У кабины, у второго борта, сел с автоматом ещё один фашист. Впереди грузовика шла легковая – с офицером, водителем, охранником и ещё одним, в гражданской одежде, как оказалось потом, переводчиком. Впереди легковой машины – мотоцикл, в люльке которого сидел, с пулемётом наготове, солдат. А позади грузовика с пленными катилась ещё пара немцев на мотоцикле.

– Вас-то за что? – спросил негромко Иван ближнего, белобрысого вихрастого парнишку.

Тот зыркнул на Ивана, но ответил, тоже негромко:

– Полицаи говорят, что мы теперь будем пленные.

– Вы что – воевали? Партизанили?

Парень промолчал, но другой, смуглый красавец, отозвался, не опасаясь, что немцы слышат:

– Ага, воевали. Не успели. У них, у фрицев, все мужчины наши – пленные. Даже моего деда, ему пятьдесят восемь лет, забрали в плен.

Машину мотало из стороны в сторону, подбрасывало на кочках и рытвинах избитой просёлочной дороги. Парни упирались ладонями в доски дна кузова, а Ивану с Семёном приходилось болезненные удары снизу принимать на свои исхудавшие задницы. Проехали краем поля с километр, потом дорогу обступил лес.

На одном из крутых поворотов, меж плотно обступившими дорогу деревьями, случилось неожиданное. Сидевший рядом с Иваном вихрастый парнишка, бросив взгляд вперёд, мимо немца с автоматом, вдруг резко наклонился, ухватился руками за борт и одним сильным движением вымахнул себя из кузова.

– Хальт! Цурюк! – Немец вскочил, резко повернул ствол за борт, но в это время ветка дуба пришлась ему по затылку, и автоматная очередь ушла в землю, у заднего колеса.

Парнишка в два прыжка оказался за деревьями. Машина, круто повернувшись налево, укрыла его на несколько мгновений от пулемётчика на заднем мотоцикле.

В это же время сиганул за борт парень и с левого борта. Ему повезло меньше, хотя он сделал всё возможное, чтобы второй охранник в кузове не смог подстрелить его. Выпрыгивая, он сильно ударил ногой по автомату и выбил его из рук фашиста. Но автомат висел у немца на шее, на ремне, и через секунду уже был у него в руках. Водитель грузовика, услышав выстрелы, нажал было на газ, видимо предполагая, что солдаты стали отстреливаться от нападающих из леса партизан, но тут же, очевидно, сообразил, что надо остановиться. Машину дёргало, и это не позволило вскочившему на ноги автоматчику сделать прицельные выстрелы. Парень через мгновение оказался за стволами деревьев, недосыгаем для выстрелов охранника. Но этому смельчаку не повезло: он был на виду у мотоциклистов, следовавших сзади. И пулемётная очередь догнала его, когда он уже перемахнул через придорожные кусты.

Кортеж остановился. Мотоциклисты попытались найти проезд в зарослях кустарника, росшего вдоль дороги, чтобы преследовать уцелевшего беглеца, но склон здесь довольно круто уходил вниз, к реке, они крутанулись на дороге и остановились, ожидая распоряжений офицера.

Раненого притащили и забросили в кузов. Он был ещё жив, но истекал кровью – несколько пуль размозжили его бедра.

Офицер не удостоил своим вниманием пленников. К машине подошёл переводчик и сказал очень даже вежливо:

– Молодые люди должны знать, что при попытке к бегству одного, мы будем стрелять каждого второго, кто остался в машине.

Он вернулся в легковушку, мотоциклы заняли свои позиции, и караван двинулся дальше. Больше попыток к бегству не было.

Иван подивился тому, как быстро оценил белобрысый парнишка обстановку, сообразил, что ветка дерева ударит охранника, и это даст ему шанс уйти на свободу.

Примерно через полчаса выехали из леса. Впереди была большая деревня.

Семён увидел слева, посреди деревни, большой деревянный дом – очевидно, бывшее правление колхоза, – над дверью которого красовалась деревянная таблица с надписью на немецком и, вероятно, с пояснением на русском: «Только для немцев». Чуть дальше, в глубине улицы, на просторной площадке, Семён видит церковь, судя по всему, действующую.

А Ивану видна была правая сторона улицы и примечательное деревянное здание – большая одноэтажная школа за крашенным коричневой краской штакетником. Над калиткой, крупно, что-то на немецком и, видимо, то же самое на русском: «Только для немцев!» То ли здание оккупировали фрицы, то ли на спортивные площадки, что располагались вокруг школы, был запрет, но это дало первые понятия Ивану о том, какой порядок устанавливается в населённых пунктах оккупантами. На выезде из деревни находились: крытый ток, строения колхозной фермы, кузница и мастерская, пилорама, спиленные деревья и доски. А дальше – пшеничное поле слева от дороги, справа – голубое полотно цветущего льна. Война будто не коснулась этих мест. Но впечатление оказалось обманчивым: за пшеничным полем – посадки картофеля и свёклы, а справа, за льяным, у леса, – обнесённый колючей проволокой лагерь с пленниками. Опять лагерь...

Грузовик остановился у закрытых ворот, задний борт откинули, умирающего парнишку столкнули на землю и оттащили немного в сторону. Остальным ребятам приказали слезть с машины и построиться. Они поспрыгивали на землю, стали в неровную шеренгу, косясь со страхом и состраданием на раненого товарища. Их построили и повели куда-то вдоль проволочных заборов.

Охранники же в кузове перекинулись несколькими фразами с немцами, которые ждали у машины, засмеялись. Подошли вдвоём к связанным Ивану и Семёну, ухватились за верёвку

и поволокли их к открытому борту. У края обошли их и ногами, под одобрительное ржание остальных солдат, вытолкнули из кузова. Тяжелый удар ребрами о землю отозвался по всему телу, помутилось в голове. Весёлые немецкие парни заодно поиграли в «футбол»: попинали что есть силы русских парней ногами.

Потом верёвку, связывающую Ивана и Семёна, сняли, развязали им руки и показали на открытые ворота: ступайте – вот, мол, ваш рай. В полусотне шагов от ворот можно было видеть толпу пленных – кто сидел на земле, кто стоял, несколько человек лежали и, похоже, не оттого, что им хотелось отдохнуть.

Сразу за воротами новичков встретили четверо, один из них, хмурый, с наголо обритой головой мордоворот, очевидно, был главным.

– Стой, – скомандовал он, – сесть на землю.

Чуть в стороне, у ворот, два вооружённых немца наблюдали, усмехаясь, за этой сценой.

Иван и Семён поняли, что четвёрка действует заодно с немцами и сопротивление тут неуместно. Сели на вытопанную, пропылённую землю.

– Снимай, – скомандовал бритый и пнул ногой ботинок Ивана. – И ты тоже.

Парни разулись. Несмотря на то что обувка претерпела и бег, и ходьбу по бездорожью, была она, сработанная из добротной свиной кожи, всё ещё прочной, хоть и потёртой на носках. Бритый взял ботинки Ивана в руки, оглядел их, одобрительно хмыкнул, взял и вторую пару. Развернулся и пошёл прочь. Трое – за ним. Иван и Семён, оставшись без обуви, поднялись, посмотрели друг на друга: а что, мол, дальше?

Бритый оглянулся, дурашливая смешливая гримаса появилась у него на лице. Махнул рукой куда-то в сторону:

– Гунявый обует. Ха-ха!

В той стороне, куда он показал, увидели ещё одного пленного, который стоял, расставив ноги, смотрел на происходящее с угрюмым равнодушием.

– Хальт! – вдруг раздалась команда. Четвёрка, во главе с бритым, замерла, все повернулись. – Ком!

Один из немцев махнул рукой, призывая грабителей к себе. Они вернулись. Немец вырвал из рук бритого ботинки Ивана и Семёна, оглядел их:

– Гут, – одобрил, повёл стволом автомата, давая понять бритому, что ботинки он забирает себе и пленные могут убираться ко всем чертям.

Бритоголовый всё же не мог уйти ни с чем, подошёл и сдёрнул с Ивана и Семёна пилотки.

Тот, кого называли Гунявым, оказался обувщиком. Он и ещё несколько человек делали деревянные подошвы, прибивали к ним куски парусины или материи из солдатского обмундирования, и в такой обуви пленников выводили на работы. Продукцию этих умельцев, как оказалось, отправляли и за пределы лагеря.

Гунявый был ранен осколком в челюсть, отчего его лицо было перекошено и речь стала невнятной. Но каким-то образом немцы узнали, что это мастер, дали ему подручных и заставили делать деревянные подошвы для обуви и саму обувь, которую отправляли в другие лагеря. Гунявый намётанным глазом определил размер обуви Ивану и Семёну, выдал «туфли», забрав взамен портянки, которые ему показались подозрительно чистыми:

– Откуда вы такие ухоженные?

Обулись, с трудом переставляя ноги, избитые на немецком «футболе», прошли было к правому, если смотреть от ворот, ограждению лагеря. Но от ворот последовала команда:

– Хальт! – и немец стволом автомата сделал движение, показывая, что нужно идти в другую сторону. В углу ограждения лагеря стояло небольшое строение. Туда и сопроводили новичков.

За столом в помещении сидел молодой немец, подперев подбородок ладонью, смотрел на вошедших. Выдержал паузу, сказал:

– Ваш фамилий говорить.

– Яценко. – Иван решил, что стоит назвать свою фамилию: неизвестно, выйдешь ли отсюда живым, а когда-то вернутся наши – он верил, что вернутся, – то узнают и сообщат на родину, где кончился, так и не начавшись по-настоящему, путь сибирского парня.

Немец открыл толстую амбарную книгу, похожие были у них в колхозе – видел Иван, когда случалось быть в правлении.

– Имя говорить, – продолжил немец.

– Иван.

– О! – У немца неподдельный восторг. – Рус Иван! Карашо! Мой имя – Фриц! О! Иван – Фриц!

Он засмеялся довольный.

Записали и Семёна. Тут только Иван узнал, что у товарища и фамилия Семёнов. Если он только не схитрил.

– О! – Весёлый немец по имени Фриц продолжал спектакль. – Будем рус Иван и Семён дают медал.

Из картонной коробки у стола он извлёк две деревянные бирки, кивнул другому немцу, что сидел у двери. Тот, в свою очередь, достал из другой коробки две небольшие проволоки, вдел их в сделанные в бирках отверстия. Потом эти проволоки с бирками при помощи третьего немца надели, как ошейники на собак, на пленников, закрутили концы проволок, при помощи плоскогубцев, сзади. Теперь Иван и Семён утратили свои имена, стали номерами, которые внёс в тетрадь Фриц.

Колючая проволока здесь была в один ряд, в отличие от первого лагеря, который остался под надзором Шибздика, писаря-шпиона.

В лагерь вернулись с каких-то работ пленные, и все – те, кто был в лагере, и те, что прибыли только что, – сгрудились у колючей проволоки слева от ворот. Оказалось, что там, как распорядились немцы, будут давать пищу.

Иван и Семён, новички, остались на месте, видя бесполезность пробиться сквозь толпу голодных пленников. Никаких кухонь, никаких признаков того, что там будет раздача еды, не было. И вдруг у колючей проволоки, с противоположной стороны, появились капо, полицаи-предатели, с ящиками, из которых они стали кидать на территорию лагеря картофель, свёклу, куски хлеба. Вся толпа ринулась в эту сторону, толкаясь, сбивая с ног слабых, топчая их. Падали на землю, как футбольные вратари, чтобы успеть схватить кусок хлеба или картофелину. Иван и Семён оказались вжатыми в ограждение, колючая проволока впилась в спины.

Давка, крики, стоны, вопли – это так забавляло полицаев и немцев, что они едва не падали от смеха. Не все пленники сумели подняться с земли после этой забавы. Утром у колючей проволоки, по которой ночью пропускали ток, можно было увидеть несколько уже окоченевших трупов.

Гунявый с сопровождавшим его пленным подошёл к мертвецам, снял с них не только деревянную обувь, но и всю одежду. Отдельно они сложили исподнее и верхнее. Сняли и деревянные бирки, перекусив кусачками проволоку. Бирки передали полицаю, который унёс их в помещение, в котором накануне окольцевали Ивана и Семёна. Привычно, без эмоций, не в первый раз. Унесли одежду в угол лагеря, где была их мастерская.

И тут сзади Ивана оказался немец.

– Ташит, – приказал он Ивану на русском языке, показывая на ближайшего раздетого покойника, – брат, ташит.

И повёл автоматом в сторону открытых ворот. Иван метнул взглядом на Семёна, тот, сдерживая гримасу недовольства, помог товарищу. Они взяли покойника и понесли вслед за другим немцем, который шёл впереди. Мертвец был исхудавшим, лёгким, таким, что его без труда мог бы легко унести один человек.

Прошли вдоль ограждения лагеря, за ними другие пленники несли остальных раздетых мертвецов. В лесу перед ними открылась большая поляна, обнесённая колючей проволокой, на которой не было растительности – почерневшая обгорелая земля, сажа на ближайших деревьях, и – запах! Тошнотворный запах горелого мяса и ещё чего-то отвратительного, прямо таки вопил: «Бегите прочь, бегите!» Но бежать было невозможно.

Среди поляны сложен ряд из двухметровых брёвен, поверх его, поперёк брёвен, уже лежало несколько трупов. В одном из них Иван узнал вчерашнего мальчишку. Он не был раздет: видимо, грязная окровавленная одежда не подошла мародёрам, – только ноги были босые. По команде немцев живые пленники уложили пленников мёртвых в поленницу, сверху поперёк положили брёвна. Пленников повели обратно в лагерь. Поленницу фашисты не подожгли. Высота штабеля, видимо, была ещё мала для того, чтобы жечь трупы.

На территории лагеря шла между тем раздача пищи. Из больших фляг разливали по алюминиевым помятым чашкам некоторое подобие борща. Тут только Иван обнаружил за толпой длинное деревянное корыто, в которое была налита вода. Такие деревянные колоды были и у него в деревне, у колодцев, из них коровы и другие животные пили воду. Здесь, как оказалось, воду наливали и для питья, и для умывания, если у кого-то из пленных было такое желание. После того как пришлось нести покойника, Иван не мог брать пищу, брезгливость и традиция не позволяли – зачерпывая воду ладонями из корыта, умыл не только руки, но и сполоснул лицо. Утёрся полой гимнастёрки. Семён последовал его примеру.

Красноватую бурду, малосъедобную, зато тёплую, пленники брали и ели с жадностью. К «борщу» повара давали небольшой ломоть серого, как земля, хлеба. И его съедали, стараясь не потерять даже крошки.

Преодолевая отвращение, Иван зачерпнул ложкой варево. Как знать, после какого из покойников досталась ему чашка и была ли она когда-нибудь мыта. Но голод взял своё.

Не успели они с Семёном опростать свои посудины, как раздалась команда и пленников построили. Тех, кто промедлил, полицаи и немцы заставили поторопиться дубинками и хлыстами.

Потом группами выводили пленников под конвоем за ворота. На работы, как понимал Иван. Они с Семёном в такие группы не попали. Остались в лагере. Однако отдыхать им не дали. Построили в колонны по четыре и заставили маршировать по территории.

– Айн-цвай-драй! Айн-цвай-драй!

Немца сменяет русский, предатель:

– Р-раз! Р-раз-два-три! Выше ногу, сволочи! Ать-два, доходяги! Р-раз! Р-раз!

Тех, кто, обессилев, падал или выбивался из строя, избивали палками и ногами. Мучители менялись, а пленникам передышки не давали. Час, другой, третий. Вдруг фашистам приходит в голову разнообразить наказание. Очередного упавшего приказывают взять за руки и за ноги другим пленным, отнести к заграждению и, раскачав, бросить на колючую проволоку. Стоны несчастного вызывают восторг и смех истязателей.

Иван и Семён попытку маршировкой выдержали, несмотря на то что болели избитые накануне и ноги, и рёбра, что ныли спины от проколов колючей проволокой.

В полдень от ворот прозвучала какая-то команда, и все немцы, которые издевались над заключёнными, враз оставили пленников и отправились, как оказалось, обедать.

И тут для Ивана и Семёна произошла неожиданность: со стороны деревни к ограждению двинулась группа баб с кошелками в руках. Пленники сгрудились у колючей проволоки, протягивая руки сквозь эту преграду, хватали, что им дадут женщины. Иван и Семён, не ждавшие такого прихода, оказались в стороне.

От вышки к женщинам направился немец, поманил жестом крайнюю к себе. Придерживая на груди автомат одной рукой, второй рукой залез в корзину. Извлёк из неё яйцо, сунул в карман, забросил автомат за спину, снял пилотку с головы:

– Матка, яйка, давай-давай.

И сам перегрузил яйца в головной убор. Ещё раз запустил руку в корзину, вынул из неё лепёшку, осмотрел, надкусил и... бросил её через колючую проволоку в сторону, где были Иван с Семёном. Он ожидал, видимо, что они кинутся за подачкой в драку, но этого не произошло. Иван не тронулся с места, лепёшку на лету подхватил Семён – быстро, так как ближние пленные готовы были отнять «подарок». Немец нахмурился, не получив ожидаемого представления, прижимая пилотку с яйцами к груди, отправился к ожидавшему его напарнику.

Женщина, с виду пожилая, протянула другую лепёшку Ивану, просунув руку сквозь заграждение. Он взял. Взгляды их встретились, и Ивану показалось, что глаза у старухи смотрят молодо.

– Как звать? – спросила она.

– Иваном. А вас? – Родители дома и учительница в школе учили: к старшим надо обращаться на «вы».

– Маруся. Я Маруся. Не надо на «вы».

В это время над головами женщин прошла короткая автоматная очередь. Они отхлынули от проволоки и, бросая через ограждение остатки продуктов, которые не успели раздать, пятясь, одновременно крича что-то, удалились прочь.

Ивана с Семёном окружили те, кому ничего не досталось. Глядя в лихорадочно горящие глаза, Иван быстро, пока у него не отняли лепёшку вместе с руками, оторвал кусок её, сунул ближнему солдату. Оторвал ещё и ещё. У него осталось только то, что было зажато ладонью.

У Семёна точно такая же оказия. От них отступились.

На следующий день, с небольшими изменениями «программы», всё повторилось: большую часть пленных увели за пределы лагеря на работы, оставшихся заставили маршировать, вскидывать вверх руку и при этом скандировать: «Хайль! Хайль, Гитлер!»

Когда немцы прервали муштру на обед, опять у проволочного заграждения появились женщины с продуктами, видимо другие: Маруси среди них Иван не увидел.

А потом случилась ещё одна беда. С вечера моросил дождь, пленники корчились, мёрзли, сбились в одну огромную кучу, толкались, перебираясь в середину. Под утро Иван почувствовал боль в боку от укуса насекомого. «Вошь! – пронзило сознание. – Вот и погрелся». Сон улетучился. Он выбрался на край лежбища, стащил влажные от дождя гимнастёрку с нателеной рубахой, отчаянно почесал раздражённое укусом место. Снова оделся, но нервно прислушивался к своему телу, ожидая нового укуса, и он не заставил себя ждать. Иван сжал зубы, но терпел до восхода солнца. От озноба его трясло, пальцы одеревенели, но он снова разделся и стал искать в швах рубахи насекомое. Нашёл вошь, раздавил ногтями, стал искать ещё, но больше не нашёл. «А как там Семён?»

Утром на работы никого не вывели, не было и муштры после раздачи завтрака. Зато на территории лагеря появился, в сопровождении группы автоматчиков, человек в гражданском и стал раздавать из большой картонной коробки... газеты. Поднялся шум, почти как на толкучке в базарный день.

Когда Иван взял газету в руки, то глазам не поверил: газета называлась «Правда»! Даже фотография Гитлера на первой странице не сразу заставила его понять, что газета не советская «Правда»! На верхней кромке газетного листа лозунг: «Труженики всех стран, соединяйтесь для борьбы с большевиками!»

Гитлер, по пояс, в профиль, справа на газетном листе. Усы топорщатся. Взгляд его как бы обращён на то, что происходит где-то далеко, на полях битвы, и отражено в заголовках на бумажном поле. Над портретом фюрера надпись: «Адольф Гитлер». Очевидно, для тех, кто не знает его в лицо, или сомневается. А под фотографией пояснение: «Верховный вождь победоносной Германской армии, идущей крестным походом против мирового врага человечества – большевизма».

И заголовки статей. «Красная армия потеряла 6 000 000 человек». «Успешные налёты на Англию». «Сражение вокруг Гомеля». «Под Гомелем разбиты 2 советские армии».

Сомнений не было, чья эта «Правда». Иван взглянул на дату. 28 августа 1941 года, суббота. «А какое сегодня число?» – подумал он. Ответ на его безмолвный вопрос не заставил себя ждать. Мужчина, раздавший газеты, потребовал внимания – при этом раздался выстрел – и, когда гул прекратился, прокричал:

– Германское правительство заботится о процветании нашего народа! – произношение буквы «гэ» у него характерное.

«Хохол, – догадался Иван, – наверное, мы на Украине».

– Русские, украинцы, белорусы, татары и прочие – все получают свободу и землю. Сегодня, в воскресенье, накануне первого дня учебных занятий в школах, читайте газеты, узнавайте правду, а потом мы с вами решим, как нам жить дальше!

«Так, значит, двадцать девятое августа. Неужели через два дня первое сентября? При чём тут школьные занятия и газеты?» – пытался понять Иван, к чему приведёт очередная затея немцев. Какую ещё пакость – сомневаться не приходилось – приготовили фашисты?

Семён толкнул Ивана:

– Ты, кажется, говорил, что ты хохол, ну, украинец. Тут такая газета, я не всё могу понять.

Иван взял в руки «украинскую» газету, в глаза бросился заголовок:

«3 головной квартиры Фирера».

Прочитал вслух:

«Тільки той, хто правильно зрозумів силу національної єдності, може згуртувати свій народ і повести на боротьбу за здиснення найкращих ідіалів людства. Такою Людиною являється тепер в Німеччині Гітлер...»

«Тепер, коли я дізнався про життя німецького народу, коли зрозумів справжню суть націонал-соціалізму, в мене коринним чином змінився світовзгляд; я побачив всю правдивість того шляху, яким іде вся Європа»...

Иван посмотрел, кто автор статьи: неизвестный ему Андрей Мельник утверждал, что вся Европа признаёт «правду» Гитлера и идёт за ним.

– Что тут тебе непонятно? – сказал сердито Семёну.

– Ну да, – согласился товарищ, – мы – дураки, не понимаем своего счастья...

Через полчаса, после того, как пленники прочли газеты, агитатор от «Фирера» опять добился тишины и предложил вступать в ряды борцов за свободу от жидов и коммунистов или ехать добровольцем на работу в Германию. Нашлись такие, однако их было немного. Бритоголовый вызвался первым...

Добровольцев вывели через распахнутые ворота, даже не поставив в строй. И тут все пленники в лагере увидели, что недалеко от проволочного ограждения установлены два длинных, из неокрашенных досок, стола. И скамьи рядом с ними. Тем, кто согласился служить Германии, показали, что надо сесть за стол. Из большого котла, который тоже, оказывается, был привезён к лагерю, два повара в солдатских робах, но с фартуками, прикрывавшими грудь и живот, в чашки наливали суп, подавали на столы изменникам. И хлеб! По большому куску серого эрзац-хлеба! Когда посуда у всех опустела, в чаши из второго котла, который до того был скрыт от глаз брезентом, наложили пшённой каши!

Лагерники, затаив дыхание, наблюдали за происходящим, и ещё трое истощённых солдат не выдержали такой пытки – направились к раскрытым воротам.

Чувство голода не является постоянным. Когда приходит время обеда, желудок начинает требовать своё, вызывая острую потребность в пище. Но если пища не поступает, то через некоторое время позыв ослабевает и даже совсем прекращается: это в желудок направляются запасы тела. Проходят часы, и всё повторяется. Организм поедает сам себя.

Голодное содержание пленных было научно обосновано варварами с университетскими дипломами. Они установили, что голодающий не только мучается и слабеет физически, он частично теряет способность правильно оценивать окружающее, его легче превратить в покорное человеческое существо, в двуногий вид животного, который будет не только работать на хозяина, но и биться за его интересы. Эти трое в тот момент мало осознавали себя, как лунатики, забыли о последствиях, когда шли к столам.

А в это время агитатор в сопровождении двух солдат с автоматами забирал газеты у пленников. Увидев, что один из солдат сложил газету так, как это он, очевидно, делал раньше, приготавливая бумагу для самокруток, гражданский освирепел:

– Шо ты зробыв, свыня?!

Сопровождавший его автоматчик ткнул стволом в грудь виновному так, что тот согнулся. И тогда на шею ему обрушился удар прикладом. Пленник упал. В ход пошли пинки ногами в голову, и скоро несчастный затих.

Очередное утро Иван встретил с чёрными мыслями: не броситься ли на охранников, чтобы они пристрелили его? Спать ночью почти не удалось, и не только потому, что не давала холодная земля, а ещё потому, что нещадно начала зудеть голова. Он видел, что и у других пленников дела обстоят не лучше, многих ели вши. Но никто не жаловался немцам, и все старались даже не показывать другим, что их донимают насекомые. Пленники уже стали понимать, как могут поступить с ними фашисты, чтобы избыть паразитов: отправят на поляну, чад от сгорающих трупов с которой доносит иногда ветром до лагеря.

Семёна с командой других пленников увезли на грузовике в неизвестном направлении, а Иван оказался в группе, которую построили и под конвоем четверых полицейских повели на работы в поле. Копать картошку. Рядом с Иваном в строю оказался такой же высокий солдат, на котором не было гимнастёрки, а только грязная нательная рубаха. Не было на нём и пилотки.

– Как зовут? – спросил он негромко, покосившись на Ивана.

Иван назвалсЯ и кивнул: мол, а тебя?

– Кирилл. Киря – так меня обычно кличут.

Лопаты им выдала пожилая женщина, очевидно, назначенная немцами старшей – из деревенских жителей, указала каждому его полосу. Ботва уже частично пожухла. Пахнуло вскопанной землёй, и что-то торкнуло в груди, и будто вернулся Иван в свой колхоз. Вон там, за полем, за перелеском, должна быть река с ивами у воды, с зарослями шиповника и с красными уже ягодами боярки и рябины. Показалось, что все последние месяцы его жизни — это дурной сон, а явь – вот она: земля, родившая урожай, дальний лес, небо с лёгкими облаками. И где-то рядом должны быть колхозницы, чтобы убирать выкопанную им картошку. Даже слышатся ему их голоса. И тут появились женщины, которые стали выбирать клубни в ведра и ссыпать затем картофель в кучки на поле – чтобы подсохла на клубнях земля. Но, в отличие от молодых и жизнерадостных колхозниц Ивановой деревни, эти женщины были тихими и смурными, и действительность, исчезнувшая на минуту, явилась во всей своей беспощадной реальности.

Копать картофель – привычное дело для крестьянских парней, солдат Советской армии, ставших по воле судьбы пленниками, рабами оккупантов.

Близ поля появился на некоторое время и представитель новых господ: офицер в сопровождении двух солдат. Словно полководец картину битвы, проверял, неспешно обводя взором поле, усердно ли трудятся на рейх эти русские. На вскопанную часть не стал выходить, чтобы не замарать землёй блестящие свои сапоги.

К полудню примерно пятая часть поля была выкопана. Несколько женщин и пленников были направлены на то, чтобы собирать картофель в мешки, грузить на телеги и отправлять урожай в деревню. Отбирали крупные клубни, но и мелочь не откидывали, откладывали в отдельные аккуратные кучки. В конце дня стали возить картошку не только мешками, но и загружать в деревянные короба – мешков, вероятно, не хватало.

Последнюю подводу загрузили, когда солнце коснулось лучами дальнего края поля. Кирилл, сдав лопату «бригадирше», помог неказистой рыжей кобыле вытянуть телегу с пашни на дорогу, уперевшись руками в задний борт. С телеги в этот момент скатилась на дорогу крупная картофелина. Киря поднял её и сунул в карман солдатских шаровар.

– Хальт! Стоять! – раздалось совсем рядом.

Немецкий офицер, который, казалось, ушёл давно, вдруг возник откуда-то сзади. Кирилл остановился, медленно повернулся к фашисту. Тот подошёл к нему почти вплотную, доставая на ходу из кобуры браунинг. Пленники и женщины, которые не успели отойти далеко, тоже остановились и со страхом ждали, что будет дальше.

– Всё есть имущество Германия! – сказал немец назидательно, чётко и жёстко выговаривая слова. Приставил браунинг к виску Кирилла: – Будем наказать!

Кирилл вытащил картофелину из кармана, держал её на ладони, словно предлагал немцу забрать её. Смотрел на фашиста не столько со страхом, сколько с недоумением. Не верил, что за поднятую с земли картофелину можно убить. Но грохнул выстрел, и Кирилл рухнул на землю с простреленной головой.

Остальных построили, и те же конвоиры, что доставили пленников на поле, сопроводили их в лагерь.

Дни становились короче, а ночи – длиннее и холоднее. Но усталость от работы на поле брала своё, и засыпал Иван, привалившись к такому же уставшему бедолаге, несмотря на холод, идущий от земли. Хорошо ещё, что стояла солнечная погода, и земля за день нагревалась и остывала медленно под человеческой массой.

Иногда Иван видел даже сны, но они как-то быстро размывались в памяти и забывались вовсе. Но в этот раз, проснувшись, дрожа от озноба, он сумел удержать видения. Приснились сёстры. Старшая, Анастасия, лишь промелькнула и ушла, видимо к своим детям, а вот трое остальных остались: стояли они напротив него у изгороди, но у незнакомой усадьбы, хотя на том месте, где должна быть церковь.

В Богдановке церковь была на взгорке, как раз против их огорода, опоясанного жердяной изгородью от животных; дом же отец поставил когда-то ближе к берегу Оми и даже окнами на реку, а не на улицу. И церковь, и усадьба Яценко были слегка на отшибе, в полусотне шагов от крайних деревенских домов.

Мальчишкой видел Иван, как покидал деревню священник. Его не гнали и не преследовали власти. Просто в деревне осталось мало верующих, которые посещали церковь, жить семье священника становилось не на что. Молодёжь вечерами группировалась вокруг клуба, в котором кипела жизнь, в котором иногда кинопередвижка крутила фильмы. Из церковной ограды, где неподалёку от церквушки располагался неказистый домик, где жил поп, выкатилась телега, нагруженная домашним скарбом. Незнакомый мужик вёл лошадь под уздцы; лошадь тоже была не из богдановских – Иван знал всех хозяев и всех их лошадей в деревне. На телеге же сидели и ребяташки – мальчишка шести лет и девочка на два года младше. Попадья шла следом, утирая слёзы. Несколько старух, проведавших, что священник уезжает, стояли тут. Они были ошарашены, когда увидели священнослужителя: на нём была рубаха-косоворотка и мужицкие шаровары. На ногах – сапоги. Не видно креста. Таким, даже в страшных снах, верующие не могли представить батюшку.

– Як же мы без вас, отец Арсений?

– Батюшка, почему вы нас покидаете?

Отец Арсений посмотрел на оставляемую им церковь, на слегка покосившийся крест – церковь просила ремонта, обратился взгляд на провожающих. Вздыхнул:

– Бога не стало, матушки. Потому не могу обманывать народ – ухожу.

– Как же мы без благословения?

Телега уже достигла крайнего дома. Отец Арсений посмотрел в ту сторону, сделал шаг, остановился. Рука его привычно поднялась и замерла в сомнении. Глянул на свои одежды, махнул рукой и... осенил крестным знаменiem старух:

– Храни вас Бог!

И быстро направился вслед за подводой, навстречу судьбе.

Когда нынешней весной Ивана взяли на службу, здание церкви ещё стояло, только уже без креста и с полуразрушенным куполом.

И вот сон: Надежда, которая была на шесть лет старше Ивана, и младшие – Вера и Анна – возле оградки были одного возраста, лет по шестнадцати. Но это не казалось ему странным. Он видел: красивые у него сёстры – это всегда наполняло его гордостью и любовью, такой любовью, какая только и может быть между самыми близкими людьми. Но они хотели что-то сказать ему, а слов не слышно. Понимая, что он не вник, о чём его предупреждают, Надежда повела рукой, будто ладонью отодвинула невидимую преграду, и до него дошло: «Увидимся». И они исчезли, осталась только ограда, в глубине которой небольшое бревенчатое строение – скорее всего баня.

Проснувшись, Иван никак не хотел расстаться с этим сном: он вселял надежду. Да, Надя, сестра, огневолосая красавица, славилась в молодости тем, что умела гадать на картах. Удивительно, что всё, что говорили ей карты, потом сбывалось. За её необычные волосы и это умение гадать в деревне считали сестру чуть ли не колдуньей и, кажется, слегка побаивались. И вот она приснилась ему – к добру!

Хотя какое может быть добро? Накануне, когда копали картошку, одна из женщин, ближняя к полицая, стала сильно отставать от своего копальщика, иногда замирала, свесив голову, похоже, ей нездоровилось. Полицай, который до того рьяно следил, чтобы пленные не общались с женщинами, увидев такое небрежение, освирипел:

– Шевелись, сучка!

Несколько помедлив, огляделся, подойдя к работнице, сидевшей на корточках у ведра, сильно пнул её в бок ботинком, выговаривая с наслаждением:

– Русиш швайн!

Явно хотел быть настоящим немцем.

Женщина повалилась набок, тут же постаралась подняться, упала после второго удара, снова поднялась – ни крика, ни стопа, – принялась быстро-быстро разгребать землю в лунке, вынимая картофель. Иван, не прерывая работы, кидал исподлобья взгляды на подонка, но знал, что за ними наблюдает одновременно и второй полицай, готовый в любой момент применить оружие.

В тот момент что-то сдвинулось в душе Ивана: нестерпимо захотелось убить этого гада. И любого другого врага, оккупант ли он или предатель. Убивать – грех. Это сидело, казалось бы, неистребимо, где-то в глубинах сознания даже тогда, когда он осваивал боевые приёмы, технику убийства, когда учился стрелять. Дома у себя Иван не зарубил даже курицы. Когда приходилось помогать отцу – по осени отец забивал свинью и резал овцу или барашка, – и тогда Ивану становилось не по себе, он старался не смотреть в глаза обречённого животного. Тогда ему и в голову не приходило, что настанет время, когда он должен будет убивать человека. Грех не потому, что об этом говорила церковь: «Не убий». Не только потому. Иван в детстве лишь несколько раз с матерью побывал в церкви. Он не мог сказать, верит ли в Бога или нет; осознание греховности убийства давалось изначально, от рождения, как родимое пятно, как цвет глаз или волос. Эта нравственная преграда могла, наверное, разрушиться в бою, но в бою Ивану быть не пришлось. А тут, видя, как бьют неповинную женщину, он словно перешагнул препятствие, за которым осталась в душе только ненависть.

«Убить!» Он думал об этом, когда шёл под конвоем с поля, когда просыпался ночью, когда наступил рассвет. Даже сон, прекрасный обнадёживающий сон, не отодвинул эту мысль.

И сложился план. Он займёт на картофельном поле крайнюю полосу, ближнюю к полицаю. А когда они будут заканчивать уборку картофеля и поле почти упрётся в лесок, он подойдёт к женщине, убирающей за ним, и это вызовет недовольство охранника. Полицай захочет, наверняка захочет, показать свою власть над ними и наказать. Подойдет... Маленькой лопаткой научен владеть Иван, как саблей, не подведёт его и большая лопата. А там взять винтовку полицай и уходить в лес. Бежать. Да, будут стрелять остальные конвоиры, но преследовать не смогут, не оставят остальных пленных без охраны. «Надя, Надюша, сестрица, увидимся, я верю тебе...»

Осуществиться плану было не суждено. Миновали поблэкшее поле льна. Затем, когда их небольшая, «картофельная» колонна проходила вблизи крайних строений деревни, возле хлебного амбара, дорогу Ивану, он шёл впереди, преградил, выставив, как шлагбаум, ствол автомата, молодой пухлощёкий немец. Повёл стволом в сторону, заставляя Ивана покинуть строй.

– Перёд! – скомандовал, улыбаясь, довольный, что владеет русским языком и может распоряжаться здесь, среди белых рабов.

Полицай было дёрнулся преградить пленному путь, но немец повернул ствол в его сторону, и полицейский застыл на месте.

– Господин ефрейтор, – всё же попытался возразить полицай, – шо мне будэ за то?

Но на такие слова знания немца не распространялись. Он подтолкнул Ивана стволом в спину, и они пошли мимо амбаров.

– А! Хай им... – Полицейский махнул рукой, скомандовал остановившимся пленникам: – Марш!

За вторым амбаром Иван увидел ток. Чувства его вдруг резко обострились. Он неожиданно вошёл в то состояние, которое когда-то на тренировках по рукопашному бою внушал им старший сержант и которого никак не удавалось добиться.

– Концентрация! Вы должны видеть и контролировать противника так, чтобы движение тела, рук, ног, даже движение его глаз не ускользало от вас. И не только того, кто против, но вы должны видеть всё и слева, и справа, даже на затылке у вас глаз! Вы должны чувствовать, если враг за стеной...

Сейчас Иван охватил разом: ток, под крышей которого горы зерна, женщин, попарно, насыпающих пшеницу в мешки, и дальнюю площадку, где пшеница под открытым небом, и там две женщины крутят рукоять веялки, и там же маячит чёрная фигура полицай, слева от Ивана грузовик с откинутым задним бортом, в кузове два немца в гимнастёрках с засученными рукавами готовы принимать мешки, а в кабине, свесив ноги наружу, водитель лузгает семечки; сзади же пухлощёкий ефрейтор во френче, с планшеткой на боку и с автоматом в руках.

Ефрейтор поравнялся с Иваном, забросив за спину автомат, когда они почти вплотную приблизились к двум женщинам. Одна, лицом к Ивану и немцу, держала уже наполненный пшеницей мешок, вторая стояла к ним спиной, завязывала его. Эта вторая, вероятно, старуха, выглядела странно, одета не по погоде: длинная, не по росту, серая вязаная кофта, юбка до полу, и тёмный платок на голове. Немец тронул её плечо рукой – в другой руке небольшой блокнот – сказал, заглянув в него, расцветая улыбкой:

– Ложись со мной спать!

«Старуха», затянув узел верёвочки, полуобернулась к нему, быстрым движением извлекла из-под полы кофты... чекушку. Подала немцу. Тот взял, посмотрел посудину на просвет:

– Шнапс? – вынул пробку, понюхал, зажмурившись, сделал небольшой глоток. – О! Гут. Вернул пробку на место, сунул бутылку в карман, полистал свой блокнотик:

– Бистро, работайт! – приказал Ивану, показывая, что мешок надо погрузить в машину. В кузове уже было несколько мешков, которые бабы подносили вдвоём, а немцы принимали и расставляли их у переднего борта.

Иван наклонился, чтобы поднять мешок на плечо, но сразу почувствовал, что ему это не удастся: ослабел. А в колхозе, бывало, на спор мог унести два таких куля. Старуха с другого конца мешка ухватила, чтобы помочь ему, и тут Иван увидел её лицо, и чуть не уронил свой край: «Та женщина, что приносила лепёшки в лагерь?! Неужели Маруся?» Так вот почему фашист приглашает её в постель: разглядел, видать, молодую по глазам?

– Давай вдвоём, – предложила Маруся, кося глазом на немца. Тот занялся делом: отошёл к машине, достал из планшетки бланк и стал карандашом помечать в нём что-то, вероятно, записывал количество загруженных мешков.

Всё же Иван справился один: Маруся помогла ему поднять мешок на плечо, до машины было всего несколько шагов. Не успел поставить куль на днище кузова, как немцы подхватили его и отнесли дальше, к кабине.

Иван вернулся к женщинам.

– Ты?! – шёпотом удивился он.

Маруся прижала палец к губам, потом прошептала:

– После. Работаем...

Насыпали зерно в мешки, молча и безостановочно. С Маруси, одетой не по погоде тепло, тёк пот, но она сняла только платок, на голове осталась ещё косынка. Пухлощёкий ефрейтор несколько раз подходил к ним, трогал Марусю за бок, приговаривая с улыбкой:

– Ложись со мной спать.

Она в ответ тоже улыбалась, грозила ему пальцем:

– Не мешай. Твой райх кормить надо. Шалун.

– Кушать, да, – соглашался ефрейтор. – Что есть шалун?

Он достал свой блокнот, словарик, безуспешно пытался найти в нём непонятное русское слово. Находил то, что ему понравилось, и произносил, наслаждаясь: «Давай корову. Копай могилу. Становись к стенке». И опять: «Ложись со мной...»

Машина, наконец, наполнилась мешками с пшеницей, ефрейтор ещё раз подошёл, к женщинам, пощупал и напарницу Маруси, ей же заглянул в глаза, повторив полюбившуюся ему фразу из словаря:

– Ложись со мной спать.

– Да, – отвечала Маруся, – поезжай, потом.

– Да, – расцвёл улыбкой немец, – потом.

И побежал к машине, откуда уже неслись сердитые окрики его напарников.

– Марийка, ты чего делаешь? – урезонила было подругу вторая женщина. – Будет тебе, как с Лилькой.

– Уже не будет, – отмахнулась Маруся. – Ты, Настя, покарауль, пока мы тут прячемся.

И толкнула Ивана к амбару.

– Давай, быстро.

Тяжёлая амбарная дверь не заперта, за ней полумрак, но Иван знает, что за перегородкой тоже зерно, а в углу стопа мешков, из которой он уже брал несколько, когда кончились приготовленные ранее у бурта с зерном.

– Сейчас мы из тебя сделаем бабушку, – возбуждённо говорила Маруся, быстро снимая с себя большую серую кофту. – Надень.

Развязала одним движением верёвочку на юбке, вышагнула из неё, засмеялась:

– Примерь.

Иван только что успел надеть кофту, но не знал, как ему застегнуть непослушными пальцами необычные деревянные пуговицы, сделанные из палочек и отшлифованные пальцами женщины, которая прежде носила эту вещь.

– А-а, кулёма! – нервно смеялась Маруся. – Давай я. Юбку надо было сперва, через голову!

Отступила на шаг, посмотрела на ноги Ивана:

– Ах ты, беда! Ну не было у меня большей юбки. Торчат твои гачи, что делать?

Иван неловко поднял подол юбки, потянул штанину вверх, так чтобы она застряла над икроножной мышцей. Раньше бы это не удалось, но теперь, когда ноги исхудали, фокус удался. Но что делать с обувью?

Однако и тут у Маруси было всё предусмотрено: на ботинках женщины были надеты литые резиновые калоши. Она села на мешки, с усилием стащила калоши, подала Ивану, спросила с тревогой:

– Налезут? Лапа-то у тебя какой размер? Да сбрось ты к чёрту эти колодки!

Но Иван уже и без того разулся, несколько мгновений держал обувь в руках, соображая, что надо их спрятать, потом швырнул деревяшки в дальний угол амбара так, чтобы они зарылись в зерно.

– погоди, – остановила Ивана Маруся, – надень.

Из-за пазухи она вынула длинные вязаные носки и опять спросила с тревогой:

– Налезут?

Иван надел один носок, всунул с трудом ступню в галошу.

– Пойдёт, – сказал и надел носок и обул вторую ногу.

Маруся подступила к нему с платком, потянувшись на цыпочки, повязала Ивану платок на голову, запалённо дыша, как после бега, сказала:

– Пригнись, поправлю.

Надвинула платок на лоб, концами платка укутала его подбородок, на котором предательски проступали пока ещё ни разу не бритые золотистые волосы бородки.

– Вот так и будь: ссутулься, чтобы не видно было лица и чтобы не торчать, как каланча.

Тут Иван обратил внимание, что на груди у Маруси висела деревянная бирка, почти такая же, какую навесили ему в лагере, только у Маруси бирка висела на шнурке! Вместо крестика?!

– Что это? – озадачился он так, что на мгновение забыл о том, что надо спешить.

Маруся отмахнулась, выглянула в дверь:

– Настя, как там?

– Ой, мамочка, ой страшно! – Настя с бледным, как бумага, лицом торопила: – Уходите скорей!

Маруся, ухватив Ивана за руку, повела его за амбар, к коровнику, в котором беззвучно умирал запах бывших здесь когда-то животных, вдоль его тёмной бревенчатой стены, в низинку за огородами. Тут редкий кустарник, увядающая трава и довольно торная тропа. Скоро тропа раздвоилась: направо, к ручью, и налево, между двумя огороженными участками. Маруся повернула налево, и вскоре они вышли на деревенскую улицу. Амбары и ток отсюда были не видны. Прошли мимо двух домов, и Маруся свернула к третьему, стукнула в калитку. На крыльце в ту же минуту, будто ждала, появилась пожилая женщина:

– Открыто, входите.

Оглянувшись – на улице было пустынно – Маруся увлекла Ивана во двор и сразу же – в дом. Иван успел заметить только, что собачья будка была пуста.

В доме Маруся немедленно стащила с себя бирку и бросила её на лавку, поясняя Ивану:

– Баур приказал, чтобы у всех были номера, даже у детишек.

– Баур – это кто?

– Учительница сказала, что это у них так называется крестьянин. Ну, хозяином тут стал.

Не переставая говорить, она между тем сняла с головы Ивана платок, обернулась:
– Мама, давай!

Хозяйка повернулась к печке, достала из поставленного на припечек горшка щипчики, такими кололи комковой сахар в некоторых домах. Маруся попыталась перекусить ими проволоку на бирке, но сил её не хватило.

– Дай-ка я, – сказал Иван.

Она уступила ему инструмент с сомнением: отощавший солдат не казался ей сильнее её, крепкой женщины. Однако Иван сперва несколько раз сильно надавил на одном месте, а потом руками немного согнул проволоку, разогнул, снова согнул и разогнул, и металл не выдержал.

Маруся бережно сняла ошейник с Ивана и швырнула бирку в печь.

– Вот, – сказала с посветлевшим лицом, – даю тебе свободу!

Мать её в это время сходила в сени и вернулась оттуда с двумя куриными яйцами в руке.

Поставила на стол стакан, разбила яйца в него, посолила.

– Кушайте, – сказала Ивану, – с хлебом, на дорогу выпей.

Повернулась к дочери:

– А может, спрячем его до ночи? По темноте уйдёте.

– Нет, мама, надо уходить, вдруг спохватятся. Хотя я и сказала Насте, чтобы на немца указала, будто он меня забрал, но вдруг он явится скоро со своей бандой.

Ничего вкуснее, чем посолённые сырые яйца с хлебом, в свой жизни Иван, кажется, не ел!

Маруся вновь водрузила ему на голову серый платок, на дворе дала стёжок:

– Старухе положено быть с палкой. И согнись, чтобы твоего лица не видно было. Ага.

Хозяйка выглянула за ворота. Никого. Хотя, конечно же, в окнах могли быть любопытные, которые увидят, что Маруся идёт по улице с нездешней старухой.

– Ну, с Богом!

И они пошли неспешно, сдерживая нетерпение.

– Собак постреляли, – рассказывала Маруся, осматривая дорогу впереди и, не поворачивая головы, по сторонам.

– А что Настя сказала про ту девушку?

– Про Лилю? – Голос Маруси дрогнул. – Весёлая Лиля была. Певунья – артистка, в общем. Немцы когда пришли, она в лучшее платье вырядилась. Кто-то ей сказал, что немцы – культурная нация. Ну, когда на улице немецкий офицер пригласил её в легковушку, она села. Он её увёз в дом, где остановился, и не отпустил до утра. А утром, когда уезжал, отдал её в школу, где солдаты остановились. И там её сильничали до утра. Немцы уехали, а Лиля наша в школьном классе осталась без сознания. Потом умерла.

Маруся всхлипнула. Сзади в это время послышался шум автомобиля и какой-то грохот. Они посторонились, не оглядываясь. Мимо, пыля, промчался открытый грузовик, в кузове его что-то бренчало, там же сидели два молодых немецких солдата. Увидев женщин, они засвистели, заулюлюкали, один из них швырнул вышелушенную половинку подсолнуха в высокую «старуху», но не попал, чем вызвал приступ веселья у товарища.

– Дояры поехали, – пояснила Маруся, когда пыль улеглась.

– Как это? – удивился Иван.

– Молоко по деревням у хозяек берут. Слышал, как фляги гремят?

– Да! – вспомнил Иван. – А ваши коровы где? Коровник пустой.

Маруся повела взглядом влево-вправо, предупредила негромко:

– Ты потише, а то голос-то: «бу-бу», – деревня всё слышит.

Прошли в молчании несколько домов, Маруся повернула в переулок, между огородами, ограждёнными жердями, вышли в лесок, на поросшую травой дорогу.

Маруся перевела дух:

– Выбрались. Коров было приказано угнать от немцев. Где-то на переправе, говорили, часть стада успели за реку перегнать, а тогда немцы мост разбомбили. Некоторых коров поубивало, остальных пригнали назад. Да мы их тут попрятали. Колхозных. А свои-то пока в стайках, в сараях. Ну, пастух есть, выгоняет днём в поле. И овечек с ними. Опасно, а что сделаешь?

– Попрятали коров? Как это, их же и доить надо, – удивился Иван.

– А вот увидишь потом.

Прибавили шаг. Лесная дорога, петляя меж деревьев, заводила иногда в сырые места, шла через болотца, и только знание, где проложены брёвна, выручало путников. Пригодился посох, когда нога соскальзывала с мокрого бревна. Иван стащил с головы надоевший до чёртиков платок, выпрямился и шагнул за проворной спутницей, всё ещё не веря до конца, что избавился от плена. Хотел было снять юбку, мешавшую, как ему казалось, при ходьбе, но Маруся остановила:

– погоди, там ещё дорога будет вдоль речки, вдруг немцы... Платок держи наготове. И в деревне будешь старухой, пока не войдём в мой дом.

– А там, – Иван махнул рукой назад, – разве не твой дом был?

– Тоже мой. Потом объясню.

Дорогу, о которой сказала Маруся, пересекли, осмотревшись, примерно через полчаса, спустились к небольшой реке, разувшись, перебрали по камешкам и её.

Ещё через час хода Маруся, видя, что Иван устал, хоть и не подаёт вида, свернула с дороги к родничку, бившему из-под небольшого уступа, близ ольхи. Умылись холодной водой. Иван с изумлением смотрел на свою избавительницу: серое лицо её стало румяным, она помолодела лет на десять, словно ключевая вода была волшебной.

– Ну ты артистка, – сообразил он. – Чем загримировалась?

– Садись, – указала на изогнутый ствол Маруся. – Чем? Да всем, что под ногами – пылью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.